

Анна Лапина

Мама для детей одержимого

«Литнет»

2021

Лапина А.

Мама для детей одержимого / А. Лапина — «Литнет», 2021

— Почему ты мне сразу не сказал, что Тася и Ася не мои родные дети? — спрашиваю Адама, ворвавшись в его кабинет без стука. Подхожу и кидаю ему свидетельства о рождении, в которых в графе мать стоит чужое имя. — Это что-то меняет? — обжигает ледяным взглядом. — Нет... но... ты обманул меня, сказав, что близняшки наши с тобой дочери... — Я, — делает шаг ко мне. - Тебя, — его рука на моей талии. — Не, — жаркое дыхание опаляет шею — Обманывал, — поднимает взгляд. — Ты мать моих детей.

© Лапина А., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог

— Адам, — начинаю, застав мужа в тот момент, когда он снимал рубашку.

Пройдя в комнату, сажусь на кровать, отложив свою палочку в сторону. Руки трясутся, а улыбка так и норовит появиться на моём лице. Но я держусь. Хочу сделать ему сюрприз.

— Да, — отзывается, продолжая сражаться с пуговицами и даже не оборачиваясь, чтобы увидеть мой новый наряд, который я купила, чтобы сообщить ему новость о беременности и отпраздновать пополнение в семье.

— Нас скоро будет больше, — загадочно произношу, думая, что он уже уловил намёк.

— Опять решила котика завести? — со смехом интересуется. — Учти, я больше в ветеринарную клинику с ними один не поеду. Мои партнёры до сих пор странно поглядывают на мои исцарапанные руки.

— Не котика, — тяну, сглатывая. — Адам, я беременна.

Руки мужа застывают в тот момент, когда из моего рта вылетает известие. Спина становится каменной и неестественно обездвиженной. Словно он не дышит.

— Ты слышал меня? — задаю вопрос, когда паника охватывает меня с головой. — Или у тебя такая странная реакция на эту новость? Я беременна, Адам, — встаю и без палочки подхожу к нему. — У нас будет ещё один ребёнок, — добавляю, дотронувшись до его плеча. — Ещё одна пчёлка или... пчёл...

— Ты должна сделать аборт, — заговаривает, выбив почву из-под ног.

— Что? Что ты сказал? — переспрашиваю, не поверив собственным ушам. Отдёргиваю руку от человека, который мог сказать такое. — Ты же не сказал мне делать аборт? Убить нашего малыша...

— Я именно это и сказал, — повторяет тоном, не выражающим ни единой эмоции.

Глава 1

Добро пожаловать в новую историю.

Рекомендованно читать после первой части "Невеста одержимого"

— Пип... пип... пип... — громкость этого противного звука нарастает с каждой секундой. Хочется сморщиться, но мышцы лица словно окаменели и не поддаются мне.

Пытаюсь открыть глаза, чтобы понять, что происходит и почему я чувствую себя как побитая собачка.

Удаётся слегка их приоткрыть и увидеть белый потолок, который слепит и не даёт больше ничего разглядеть. Зрение словно отвыкло от света. Голова раскалывается на кусочки.

Закрываю глаза, болезненно застонав от всего, что сейчас ощущаю. Делаю ещё одну попытку открыть глаза и что-нибудь увидеть помимо потолка. Но в этот раз я уже готова к световой атаке. Медленно приоткрываю их, когда происходит то, что я совсем не ожидала.

— Тася, она очнулась, — доносится детский шёпот и моих рук тут же касаются маленькие ладошки, аккуратно сжимая, поддерживая.

Резко, от испуга, полностью распахиваю глаза и поворачиваю голову в сторону звука, наталкиваясь взглядом на девочку лет пяти или меньше. Своими огромными глазами она внимательно смотрит на меня. С капелькой страха и испуга. Словно боится, но не меня. Иначе бы отпустила мою руку. Наоборот, за меня. Но затем собравшись, она спрашивает:

— Ты уже отдохнула? Выспалась? Ты очень долго спала, — смущённо произносит и одаривает меня улыбкой. — Я соскучилась по тебе. Очень сильно.

— Мы соскучились, — произносит второй голос. Почти такой же, как и у первой девочки, только твёрже и увереннее.

С трудом поворачиваю голову и наталкиваюсь на копию первой девочки.

— Вы кто такие? — задаю вопрос, смотря то на одну, то на вторую.

— Мы? — первая девочка удивлённо переспрашивает, но всё же отвечает: — Я Ася, а это Тася. Мы близняшки, — подняв руку, пальчиком показывает на собственную копию. — Ты нас что, не помнишь? — саркастически интересуется.

— Ася, не будь глупой дурочкой, — начинает Тася, и мне тут же хочется отругать девочку за оскорбления. — Она долго спала и только проснулась. Ей надо умыться, полностью проснуться и тогда всё будет хорошо, — говорит сестре, а затем оборачивается ко мне и ласково произносит: — Ты лежи здесь и никуда не уходи! Мы сейчас позовём врача. Егор Павлович лично сказал нам приглядывать за тобой и позвать, когда ты не будешь отдыхать. Мы твои сиделки, — гордо оповещает.

— Врача? — спрашиваю их, но они уже выбежали за дверь.

С трудом приподнявшись, оглядываю пространство вокруг себя и быстро понимаю, что я в больничной палате. К правой руке подключена капельница и стоит катетер. На тумбе около кровати лежат шоколадные конфеты, вафли, печенье, сок и две куклы. А ещё там огромная ваза с цветами. Явно сладости и игрушки детей. Но цветы точно мои. По левую сторону от меня всяческие медицинские аппараты, диван, стол и детские книги, лежащие на стуле около кровати.

Почему эти дети со мной в палате? Дети кого-то из врачей? От кого цветы? Кто я?

— Госпожа Мюллер, — произносит высокий мужчина в медицинском халате, войдя в палату. Следом за ним близняшки и два суровых мужчины в костюмах. — Как вы себя чувствуете? — врач подходит ко мне и, отложив книги на стол, садится на стул.

Мужчины в костюмах останавливаются в дверях. Близняшки вместе с ними.

— Нормально, — настороженно отвечаю, смотря на девочек. Отчего-то они мне казались здесь самыми безопасными и приятными. Казалось, что они мне помогут, если что-то пойдёт не так.

Да... маленькие беззащитные девочки помогут мне! Ты, как всегда, умна... Чёрт! А как меня зовут? Кто я вообще?

— Юлия, — тем временем продолжает доктор, называя это имя. Явно моё, но... не знаю. — Меня зовут Егор Павлович, я ваш лечащий врач.

Юлия... Меня зовут Юлия. Нужно просто привыкнуть. У меня амнезия, вероятнее всего. Должно все быстро вернуться. Ладно. Подождём! Делать всё равно нечего.

— Что со мной? — спрашиваю его и сама того не осознавая тяну руку к близнецам, которые тут же подбегают ко мне и хватают за руки. Крепко, но аккуратно. Так же как и я, они ждут того, что скажет врач. Как только они коснулись меня, я мигом почувствовала себя сильной и дома...

— Какая у вас милая группа поддержки, госпожа Мюллер, — врач одаривает каждую из близняшек улыбкой и достав из кармана конфеты, протягивает им. Поблагодарив его, девочки забирают конфетки и вкладывают их мне в руки. — Касаемо ответа на ваш вопрос: Что вы помните последним?

— Я... — задумчиво начинаю, роясь в голове. — Не помню. Ничего. Совершенно ничего не помню.

— Это было ожидаемо, — с сожалением заключает. — Вы были два месяца в коме, Юлия. Поначалу не было даже шансов на то, что вы очнётесь. Состояние критическое. Черепно-мозговая травма, перелом позвоночника и множество мелких увечий. Подробностей того, что именно случилось, я не знаю. Думаю, муж вам всё расскажет.

— Муж? — нахмурено уточняю. — Мой муж?

— Да. Наш папа, — в один голос отвечают близняшки. — Вон он! — Тася указывает рукой в сторону двери, где стоит темноволосый мужчина. Его лицо не излучает ни единой эмоции. Смотрит прямо, строго и не отрывая взгляда. Словно вспоминает, изучает, сканирует. И есть что-то ещё. Но я плохо вижу сейчас.

В один момент наши взгляды встречаются, и голову пронзает воспоминание.

«— Чаще улыбайся, — произносит Адам, подмигнув мне. — Тебе идёт! — самодовольно заявляет, продолжая держать в своих объятиях, из которых я вырываюсь. Но безрезультатно.

— А тебе идёт не подходить ко мне, — отвечаю и, ударив его в живот, высвобождаюсь. — И не прикасаться ко мне, — и прохожу мимо скрюченного мужчины.

— Аккуратнее со словами, — кидает он мне в спину, и я, развернувшись, посылаю ему воздушный поцелуйчик. Хочется кое-что другое послать, но вокруг слишком много любопытных людей. Я и так своим ударом привлекла.

Ненавижу его... Но...»

Но что-то в этом воспоминании меня смущает. Какая-то недосказанность... которую я не могу дополнить.

Разве мог он стать моим мужем, если я его ненавидела? А эти девочки... получается наши с ним дети, если он их папа...

— Адам... — выдыхаю, глядя в его глаза, пытаюсь найти там ответы. Но вместо того, чтобы подойти ко мне, он разворачивается и выходит из палаты. Ничего не говоря...

— Адам? — испуганно восклицаю, проснувшись и увидев его сидящим около моей кровати. Мужчина немигающим взглядом разглядывал меня и даже не шелохнулся от моего крика. Словно ожидал, что я проснусь и испугаюсь его. Он был занят. Занят тем, что поглощал и

запоминал меня. Меня же от его взгляда потряхивало и захватывало дух. — Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась, лишь бы скинуть с себя это состояние.

— Пришёл навестить тебя, — отвечает и поднимает на меня медленный, но холодный и острый взгляд. Прямо на лицо. Которое в одно мгновение становится красным. Оно пылает. — Я принёс тебе фруктов, — произносит и, не сжалившись над моим слабым телом, встаёт со стула и направляется к тумбе. — Будешь яблоко? Я нарежу тебе его, — спрашивает, но мне вовсе не яблок сейчас хочется, а узнать, что происходит. Почему я в больнице. И кто я такая? Эти вопросы мучают меня второй день, и никто не может на них ответить.

— Не хочу яблоко, — хватаю его за руку и заставляю посмотреть на меня. — Я хочу знать, что происходит. Я ничего не помню. Ни себя, ни тебя, никого. Лишь одно воспоминание, связанное с тобой. Но даже оно не даёт никакой ясности. Я словно книга, у которой расплылись чернила. Что-то прочитать можно, но довольно проблематично. Я не понимаю...

Долгие минуты он смотрит на меня, не зная, что сказать и как именно мне ответить. Но по его взгляду ясно одно: ответ даётся ему очень трудно. Он борется сам с собой.

— Прошу тебя, помоги мне, — молю его. — Никто кроме тебя не может мне ответить. Ты единственный, кто знает правду сейчас. Ты можешь помочь мне вспомнить.

— Я твой муж — Адам Мюллер, — коротко рассказывает, освободившись из моей хватки и подойдя к окну. — Ты моя жена — Юлия Мюллер. Мы счастливая молодая семейная пара. У нас две прекрасные дочери: Ася и Тася. Ты видела их вчера, когда очнулась. Они любят тебя и ждут, когда ты вернёшься домой. Мы все вчетвером живём за городом в огромном доме.

— И? — подгоняю его, требуя ещё что-нибудь. Развернувшись, Адам идёт ко мне и, нажав на кнопки больничной койки, приподнимает меня. — Ничего из этого не помогло мне вспомнить. К сожалению. Расскажи ещё что-нибудь. Врач говорит, мне нужно воспоминание, толчок.

— Что конкретно ты хочешь знать? — задаёт вопрос, вернувшись на стул. Берёт меня за руку и продолжает, крепко сжимая мою ладошку. — Я постараюсь ответить на твои вопросы. Но предупреждаю, не на все.

— Почему? Ты что-то скрываешь от меня?

— Можно и так сказать.

— Что именно?

— Я жду вопросов, — отказывается отвечать на мой вопрос, зля меня своим поведением. Разве сложно рассказать мне то, что я должна знать, но в силу своего состояния не помню? — Пожалуйста, формулируй их чётко.

— Что со мной произошло? — задаю первый вопрос и сразу же мимо. Я чувствую это.

— Это очень долгая история, но виноват в этом я, — честно признаётся, виновато взглянув на меня. — Извини. Такого больше не повторится.

— Ты избил меня? — делаю шокирующее предположение.

— Нет, что ты! — восклицает, приподняв бровь от удивления. Вот и эмоция! Я уже думала, что этот Адам не умеет их показывать и всё контролирует. Ан нет. — Я бы никогда не опустился до такого. Я люблю тебя и никогда бы не причинил вреда. Запомни это раз и навсегда. Ты и пчёлки — моё всё, — он берёт меня за руку. — Вы вся моя жизнь! Вы моя любовь... Одна и на всю жизнь.

— Л-любишь? Меня? — переспрашиваю, чувствуя себя в этот момент глупой овечкой. Но от его слов в груди стало тесно. Сердце заколотилось так быстро, что совсем скоро отключится от перегруза. Лёгкие обожгло. А губы расплылись в подобии улыбки.

Я тоже его люблю? Ну точно! Поэтому мы муж и жена... Мы, правда, любим друг друга. А наши дочери родились от большой любви. Иначе моё состояние сейчас не назвать.

— Да, — отвечает Адам, и на его губах появляется счастливая улыбка. Точно такая же, как и на моих. — Следующий вопрос.

— Можешь хотя бы коротко объяснить, что со мной произошло? — прошу его мягче. Легко сжимаю его руку, пытаюсь показать, как это важно для меня.

— Я не хочу тебе врать, а правда заставит тебя нервничать. К слову, твой врач пустил меня к тебе с условием, что ты не будешь переживать сильные эмоции. Это вредно для твоего состояния сейчас. А я хочу тебя ещё здесь навещать. Хотя бы раз в день.

— Ты не подумал, что своим молчанием ты наоборот, заставляешь меня больше переживать?

— Посмотри сюда, — просит он и достаёт из-под рубашки кулон. — Видишь его? У тебя на шее такой же, — говорит, и я тут же тяну руку к своей шее, обнаружив там кулон. — Я надел тебе его, пока ты спала. Раньше тебе нельзя было его носить, но сейчас, когда ты в сознании, врач разрешил, — рассказывает, а я разглядываю простенькое, но такое уютное украшение. — Он означает, что мы одна семья и что ты можешь мне доверять. У Аси и Таси такие же. Сейчас я очень многого не могу тебе рассказать. Из-за твоего состояния, конечно же. Мне крайне важно, чтобы быстрее пошла на поправку, и мы вернулись домой.

— Как я могу доверять тебе, если не помню тебя? — задаю ему вопрос, который он явно не ожидал. — Это то же самое, если бы к тебе подошёл прохожий на улице и попросил ему доверять. Завязал бы глаза и сказал: иди. Ты не знаешь ни этого человека, ни того, что перед твоими завязанными глазами.

— Я понимаю, но ничего сейчас сделать не могу. У меня связаны руки. На самом деле, я бы забрал тебя, девочек и увёз бы далеко-далеко. Там, где не было бы всех этих проблем и... этого ужаса, — он обводит рукой палату. — Никогда не думал, что пойму, насколько мне дорог человек, когда его жизнь будет висеть на волоске. Хотя я и раньше понимал, что люблю тебя. Здесь это стало острее. Следующий вопрос.

— Мне сложно пока понять тебя. У меня есть родители? Почему они не навещают меня? Они вообще в курсе, что я очнулась?

— У тебя есть родители, но у вас не лучшие отношения, — каплю раздражённо рассказывает, словно зубами скрипит. — Они были здесь несколько раз, пока ты была в коме. О том, что ты очнулась, клиника их оповестила. Ничего больше не знаю.

— Ты против них, да? — догадываюсь, но решаю уточнить. Вдруг расскажет, почему он так к ним относится. — Поэтому мы не общаемся с ними? Из-за тебя?

— Я против них, но не из-за меня у вас такие отношения.

— Как сложно, — вздыхаю и поднимаю взгляд в потолок. — Я словно пытаюсь примерить на себя роль незнакомого человека. Ужасное чувство. Узнаю о себе, чтобы играть роль самой себя... Врагу не пожелаешь. Собственная шкура кажется чужой.

— Скоро ты всё вспомнишь. Не отчаивайся, — Адам пересаживается ко мне на кровать и обнимает. Сместившись к другому краю, даю ему место рядом и «муж» пользуется этим. Пудобнее укладывается и вытягивает руку, предлагая лечь на неё.

— Почему ты ушёл, когда я очнулась? — спрашиваю и ложусь ему на руку, оказываясь в объятиях мужчины, которого одновременно и знаю и не знаю. — Разве ты не должен был быть со мной и радоваться, что твоя жена пришла в себя.

— Я был счастлив, но в то же время чувствовал свою вину перед тобой. Ты долгое время была в коме из-за меня. В тот момент мне впервые в жизни захотелось спрятаться. Напиться, прыгать от счастья, но в то же время сбежать на край света, лишь бы не видеть твои глаза.

— Как мы познакомились, Адам? Как я стала твоей женой? Расскажи нашу с тобой историю?

— Хмм... нет, — отвечает, недолго подумав.

— Почему?

— Не хочу, — равнодушно кидает. — Я сделал несколько ошибок, когда познакомился с тобой. У нас были непростые отношения. И сейчас я хочу воспользоваться твоей амнезией сколько смогу, чтобы всё исправить.

— Что ты собираешься сделать? — заинтересованно задаю вопрос, подняв к нему голову.

— Познакомиться со своей женой вновь. Врач говорит, что совсем скоро ты всё вспомнишь. Но сейчас я хочу воспользоваться моментом. Привет, меня зовут Адам...

«— Привет, меня зовут Адам... — произносит он и расплывается в улыбке, от которой хочется самой улыбаться и влюбляться. Я словно таю от этой улыбки, от его глаз и от него самого.

Какая-то нездоровая у меня реакция на этого мужчину. Я его НЕ ПОМНЮ! Я его НЕ ЗНАЮ! Но так хочу касаться и узнавать его. Словно одержимая...

Может быть, у нас и правда была сильная любовь? Такая, что даже сейчас через амнезию проступает? Иначе как объяснить всё это?

— Привет, меня зовут Юля, — отвечаю ему, смущённо улыбнувшись и поближе придвинувшись к нему. Практически вжавшись в него.

— Я буду называть тебя пчёлка, — предупреждает, и в груди расплывается приятное тепло от необычного прозвища. — Я зову так всех, кто мне дорог. И ты мне дорога...»

После этого мы просто лежали в объятиях и молчали. Адам ничего мне не говорил. Ничего не рассказывал. Но в то же время я чувствовала в этом молчании намного больше, чем могут сказать слова. Его дыхание проникало мне под кожу и шептало о том, кто этот мужчина рядом со мной. От него вкусно пахло, и я, осмелившись, уткнулась носом ему в грудь и жадно вдыхала этот пьянящий аромат.

Я узнавала Адама. Мужчину, который называет меня своей женой. И мне одновременно нравился и пугал этот человек. Пугал своим поведением, словами и тем, как я реагировала на него. Он манил и притягивал меня к себе, и я даже не понимаю, почему.

— Юля, девочка моя, — незнакомая женщина входит в палату и тут же направляется ко мне. Берёт за руку и садится на место, где недавно сидел Адам. Но ему пришлось уйти, чтобы отпустить няню. Завтра он обещал прийти ещё, но уже с близняшками. — Моя маленькая девочка... Слава богу, ты очнулась!

— Извините. Кто вы? — спрашиваю, выдёргивая ладонь из её руки. Приподнимаюсь на своей кровати и смотрю на неё испуганными глазами. Адам сказал, что у моей палаты охрана и никто посторонний не войдёт. И всё же страшно.

— Что? Ты не помнишь свою маму? — шокировано задаёт вопрос. — А папу? — указывает рукой на мужчину, который остановился позади неё. — А тётю? — вторая женщина, натянув улыбку, слабо машет мне.

— Я... — поочерёдно смотрю на каждого из этой тройки, задержав своё внимание на тёте. Она кажется мне знакомой, но нет... я её не помню.

Но я знаю, почему изначально так решила. У меня такой же овал лица и форма глаз, как у неё. И как у... папы. — Нет, я вас не помню. Никого из вас. Извините.

— Не надо извиняться, детка, — вмешивается тётя, лаская своим голосом. — Мы понимаем. Ты долгое время была в коме и благо, что вообще очнулась. А память скоро вернётся. Я читала об этом в интернете.

— Спасибо, — одабриваю её улыбкой. — Врач тоже говорит, что скоро всё нормализуется. Обещает через неделю-две меня вовсе выписать домой. А там я точно начну потихоньку вспоминать.

— Это хорошая новость, дорогая, — комментирует мужчина, именуемый моим отцом. — Я, наверное, пойду и поговорю с врачами. Спрошу, может быть, надо что-то, — говорит, но не уходит. Вместо этого обеспокоенно интересуется: — Как ты вообще себя чувствуешь?

Тебя здесь хорошо кормят? Может в другую клинику переедешь или мы можем привозить тебе нормальную еду сюда.

— Меня нормально кормят, — рассказываю, тронутая их заботой. — Не стоит переживать об этом. Мой рацион соответствует тому, как должен питаться человек в моём состоянии. Адам следит за этим. И сам привозит мне, если что-то нужно. Чувствую я себя не совсем нормально из-за амнезии, а так почти ничего не болит. Голова лишь изредка кружится и рука от капельниц ноет. Но это так, мелочи. Как вы и сказали: главное, что вообще очнулась.

— Выздоровливай, родная, — папа подходит ко мне и проводит рукой по плечу. — Всё будет хорошо. Я оплачу любую операцию и врачей, лишь бы с тобой всё было хорошо. Моя маленькая девочка. Я сделаю всё ради тебя. Прости меня, пожалуйста. Раньше я был... не лучшим отцом. Возможно. Но обещаю, что отныне всегда буду рядом. И мама тоже. Мы не бросим тебя. Отныне мы всегда с тобой и за тебя.

— Не стоит переживать, — прерываю папу и скидываю его руку. Пусть он мне и отец, его прикосновения для меня чужие и... неприятные. — Адам сказал, что обо всём уже позаботился. Ничего не надо. Я ему верю, а это значит, что вам не стоит лишний раз напрягаться. Вы можете меня навещать, но мой муж сам позаботится обо мне. И извините, если обижаю своими словами. В моём положении мне так комфортнее.

— Ты его помнишь? Адама? — спрашивает мама удивлённо.

— Да, — киваю. — Немного. Он меня любит и... я, кажется, его тоже. Но это неточно. Я ещё не разобралась в себе.

— Я же говорил, что из вас получится хорошая пара! — радостно восклицает папа, а тётя недовольно поджимает губы, странно посмотрев в его сторону.

— Не знаю, — пожимаю плечами, но стоит образу Мюллера возникнуть перед глазами, и я начинаю улыбаться. — А ты причастен к тому, что мы вместе? — неожиданно вытаскиваю это из его реплики.

— Да! — гордо отвечает. — В своё время я насильно вас женил. Уж извини. Ты сначала люто его ненавидела. Устроила мне скандал, сказав, что не выйдешь за него. Только всё же стала его женой. Затем вы спелись и, кажется, всё вышло очень даже хорошо. И если ты говоришь, что он тебя любит, а ты возможно его... то да! Мы с мамой создали вашу пару!

— Хмм... интересно, — хмыкаю, сопоставив воспоминание и историю папы. Тогда всё возможно.

Но как я могла ненавидеть Адама, если он такой милый, хороший, красивый, приятный и... Что-то я ушла в дебри. Возможно, я просто была против свадьбы. Кому захочется выходить за нелюбимого мужчину. Упрямство и желание отстоять своё мнение. Да, это про меня. Такое я могла сделать.

— Я пойду всё же поговорю с врачами, — прерывает молчание и мои мысли отец.

— Хорошо... папа, — отвечаю и решаю, что стоит возвращаться в жизнь. Свою прежнюю жизнь с семьёй.

— Как давно я этого не слышал, — выдыхает он. — Думал, уже никогда не услышу. Я рад, что ты выздоравливаешь, — смахнув слезу, он выходит из палаты, оставляя меня с мамой и тётей.

— А вы останетесь? — спрашиваю их. — Хотя бы на несколько минут. Я хочу побольше узнать о себе. Врач говорит, что одно воспоминание может запустить цепочку следующих. Поможете мне?

— Конечно, останемся, — отвечает тётя и садится рядом с мамой. — Мама тебе всё расскажет. А я, если что, дополню. Я знаю всё-всё о тебе, дорогая.

— Спасибо... Расскажите о моём детстве, — прошу их и мама заговаривает.

— Ты была моим самым любимым и желанным человечком на этой земле. Моей единственной крохой...

Глава 2

В очередной раз кидаю взгляд на часы в ожидании Адама и близняшек. Но вот уже время три часа дня, а их до сих пор нет. В первой половине дня меня занимали врачи процедурами, осмотрами и приёмом лекарств, но даже в этот период я ждала долгожданных гостей. Именно Адама, Асю и Тасю. Но их всё нет и нет.

Может быть, они передумали ко мне приезжать? Или заняты, а до меня дела нет? От этих мыслей как-то скверно на душе становится. И грустно.

— Быстрее! — дверь резко распахивается и в палату вбегает Тася с небольшой розовой сумочкой в руках, а следом за ней Ася с такой же ношей. — Ну давай быстрее! — кричит сестре и подбежав к моей кровати, вываливает прямо на неё содержимое своей сумки. В пару секунд Ася оказывается рядом с нами, проделав то же самое, что и сестра.

Оглядев свою кровать, стала рассматривать то, что теперь на ней лежит: детская косметичка, куча детских заколок для волос с мультипликационными персонажами, маленькая розовая расчёска с единорогом и тушь. Единственная взрослая вещь из всего арсенала.

— Ася, ты займись причёской, а я её накрашу! — скомандовала Тася, и Ася, послушно кивнув, принялась за работу. Забралась на кровать с расчёской в руках. Распустила мои длинные волосы, принявшись их аккуратно расчёсывать. Но она быстро с этим справится. Во время ожидания я их сама вычесала и привела в порядок. Собрала в высокий хвост, но, кажется, близнецам он не понравился.

— Сиди послушно, — это Тася уже мне скомандовала, став похожей на Адама. Кажется, эта малышка в него, а Ася? Тихая, спокойная... В меня? Надеюсь на это. Вторую командиршу будет трудно утихомирить, если что. — У нас несколько минут сделать тебя красивой и готовой, пока папа поднимается на этаж пешком. Мы с Тасей и охраной поднялись на лифте. А папа их не любит.

— Ты и так у нас красивая, — делает мне комплимент Ася. — Но ты всегда нам говорила, что красоту надо подчёркивать. Папа злым и всегда занятым был, когда ты болела, — рассказывает девочка, аккуратно причёсывая мои волосы. Тасе же принялась красить мои губы липким блеском и румянить щёки. — А когда ты проснулась, то перестал быть злым. Вчера, после вашего свидания, папа вообще улыбался и с нами в куклы играл. Мы хотим, чтобы он сегодня тоже добрый был.

— Просто я разбила чайник и сломала стул, — виновато признаётся Тася. — Я хотела достать себе кружку. Встала на скамейку, а она сломалась. Я схватилась за чайник, когда падала, и он разбился, — чуть ли не плача рассказывает. — Я не виновата. Я случайно его схватила. А стул... Пусть папа сегодня тоже добрый будет и не ругает меня.

— Ты сама-то не ушиблась? — заботливо интересуюсь, оглядывая девочку.

— Только ручку, — показывает самостоятельно забинтованную ладонь. — Но мы её с охранником перекисью обработали и зелёной помазали. Он сказал, что травма несерьёзная и жить буду. Ты нас спасёшь от папы? Чтобы он на нас не ругался? Пожалуйста!

— А он ругает из-за такого? — спрашиваю их, и они, замаявшись, отводят взгляд.

— Мы не знаем. Мы первый раз такое сделали, — вместо сестры отвечает Ася. — Но бабушка нас всегда ругает, если мы что-то ломаем или разобьём. Один раз она Тасю в угол поставила на ТРИ часа! Я так соскучилась по ней, что тоже нарисовала на обоях, чтобы в угол пойти. Но бабушка меня в другой поставила. И я стояла там несколько часов. Без Таси! Одна! Совсем одна! Даже бабушки рядом не было. Я так плакала... И Тася плакала, когда её выпустили. Она хотела, чтобы и меня выпустили.

— Ого! — шокировано заключаю, мечтая этой бабушке шею скрутить. Я понимаю, что она их наказала, но по мне это жестоко. Мне по душе более мягкая система воспитания. — А бабушка — это чья мама? Моя или папы? Я поговорю с ней.

— Бабушка — это ничья мама, — отвечает Тася. — У неё нет детей. Она просто наша бабушка.

— Не совсем поняла, — тяну, нахмурившись от её слов. — Как это? Ничья мама?

Но ответ на мой вопрос мне не суждено услышать. С цветами и подарочным пакетом в руках в палату входит Адам. На его лице сияет улыбка, а глаза горят при виде «красивой» меня.

Ася успела подколоть мои волосы заколками-клубничками с обеих сторон, мои губы блестят ярко-розовым блеском, щёки, вероятнее всего, перерумянены, потому что пудра в палетке Таси чересчур красится.

— Прекрасно выглядишь, — сдерживая смех, Адам делает мне комплимент. — Настоящая супермодель. Тебе сейчас только на обложку какого-нибудь журнала.

— Спасибо, — отвечаю, но в отличие от мужчины, смех не сдерживаю. Позволяю мелодичному смеху разнестись по всей палате. — Готов на мне вновь жениться, дорогой?

— А были сомнения? — вздёргивает бровь и поддерживает меня в смехе.

— Это ты ещё быстро пришёл, — вмешивается Тася, гордая тем, что отцу понравился макияж. — Мы не успели ресницы покрасить. Может, выйдешь и мы все доделаем? А потом ты зайдёшь и подаришь ей свои подарки? Мы вас с Асей на телефон снимем. Потому музыку ещё поставим, и вы как в фильмах будете?

— Она мне и такой нравится, — мягко отказывает дочери Адам и я готова его расцеловать. Уж глаза я точно им боюсь доверить. Они мне блеском все зубы покрасили, а что будет с глазами страшно представить. — Она ведь у нас красавица, девочки? Да? — уточняет он у них, и подойдя ко мне, целует в щеку и отдаёт цветы. — Это тебе, пчёлка.

— Спасибо. Они очень красивые.

— Не красивее, чем ты.

— Папа, ты её смущаешь! — воскликнула Тася, смотрящая сейчас на нас, как на своих кукол. С любовью.

— А ну давайте, собирайте свои вещи в сумочку, — отдаёт приказ дочерям Адам и те тут же принимаются выполнять. Он военный или у нас дочери такие послушные? — Как ты себя сегодня чувствуешь? — поинтересовался он у меня. — Извини, что днём не пришли. Незапланированные дела на работе появились.

— Всё в порядке, — пожимаю плечами, делая вид, что не сидела и не выжидала их у часов. — Вчера были родители и тётя. Обещали тоже навещать. Так что я не скучаю.

— Я бы не хотел этого, — напряжённо, спустя минуту молчания, заговаривает муж. — В отличие от тебя, я помню и знаю намного больше о них. О том, что они сделали с тобой. И я бы не хотел, чтобы вы общались, когда меня нет рядом.

— Так напomini и расскажи мне о них, — прошу, хоть и знаю, что не ответит.

— Нет.

— Почему? — спрашиваю, настаивая на ответе. — Они все такая же часть моей семьи, как и ты, и девочки. — Почему я должна видаться с ними лишь в твоём присутствии?

— Я приготовил для тебя ещё один подарок, — быстро меняет тему Адам и достаёт из подарочного пакета коробку с дорогим новеньким телефоном. — Вчера я не подумал об этом, но сегодня мы заехали и вместе с девочками выбрали тебе телефон.

— Белый, — уточняет Тася, ворвавшись во взрослый разговор. За что получает строгий взгляд родителя. — И красненький чехол к нему, — неловко добавляет.

— Спасибо, но я жду ответ на свой вопрос, — не унимаюсь. Я хочу знать и понимать, что происходит вокруг меня. — Что такого сделали мои родители, что ты не разрешаешь мне с ними общаться? Я требую ответа, Адам!

— Нет! — зло обрывает, но заметив на моём лице капли слёз, смягчается. Но не совсем. — Прошу, успокойся. Поверь, мне легче стерпеть твои слёзы от непонимания и обиды, чем истерику и возможную депрессию. А она будет. Мы уже это проходили. Ты должна знать одно: почти все, кто тебе нужен, сейчас в этой палате. Мы твоя семья.

— Ты эгоист, — произношу, глядя ему в глаза. — И я тебя не понимаю! Потому что мне дико всё это! Просто расскажи мне, в чём же причина и я послушаю тебя! Я имею право знать правду! Это ведь мои родители. И чтобы они не сделали... они тоже моя семья.

— Хочешь ответ? Я тебе его дам! — срывается Адам. — Но потом не плачь, упрямица. Как и всегда. Заноза. Ты не нужна собственным родителям. Им плевать на тебя! Им важнее деньги. И тебе об этом скажу не только я.

— Ложь! — выкрикиваю. — Папа говорил...

— Твой отец лживый монстр, и не спорь со мной! То, что они с твоей матерью сделали... ужасно. Я несколько недель переваривал всё это в своей голове. Потому что это дикость! — на моих глазах появляются слёзы, но Адам тут же впитывает их своей рубашкой. — Не плачь! Прошу! Я же предупреждал, что тебе может не понравиться мой ответ. Не надо плакать, девочка моя. Я делаю всё, чтобы ты была счастлива. Тебе лишь нужно доверять мне. Я расскажу тебе обо всём, когда ты восстановишься и придёт время. Прости, но так нужно...

— Это дикость, и... я всё так же не понимаю, что происходит, — шепчу, когда он высвобождает меня. Опустив взгляд на коробку с телефоном, принимаюсь его распаковывать, но лишь для того, чтобы он не видел моих слёз. Достая аппарат и долгое время разглядываю его, не включая. Неинтересно.

— Прости меня, — Адам придвигается ближе и дотрагивается до моей руки. — Мне жаль, что я заставляю тебя нервничать и расстраиваю своим поведением и словами. Ты можешь звонить им. Но встречи лишь когда я рядом. Это единственное, о чём я прошу. Не очень удачное второе знакомство у нас, пчёлка.

— Мне сложно сейчас, — наконец поднимаю на него взгляд. — Я не знаю как мне быть. Кому доверять и как жить. Я не понимаю, почему ты так категоричен к моим родителям. Они, к слову, о тебе хорошего мнения и хвалят тебя. Но ты... Я совсем ничего не понимаю, Адам! От этого сложнее довериться тебе.

— Посмотри на этих девочек, — он указывает на Тасю и Асю, делающих вид, что не подслушивают нас. — Я виноват перед всеми вами... Втянул вас в игру и даже дочерей не пожалел. Наверное, я не лучше твоих родителей, но я осознаю ценность семьи и желаний близких мне людей. Мои дочери знают, что мы сейчас играем в одну очень опасную игру, но я попросил их доверять мне. Если тебе сложно довериться мне, то доверься им. Дети врать не умеют. И ничего плохого тебе не сделают. Я просто хочу вас спасти.

— А ты? Ты сделаешь мне плохо? — задаю вопрос, смотря в его глаза. Мне нужен ответ на этот вопрос. Он сейчас честен со мной как никогда. И ответит мне. Я знаю. Но понравится ли мне его ответ?

— Прости... — шепчет он и встаёт. — Я пойду куплю себе кофе, — произносит, не оборачиваясь ко мне, а затем стремительно выходит из палаты.

Глава 3

— Добро пожаловать домой, — произносит Адам, открыв для меня дверцу машины. — Здесь тебя все любят и помогут, что бы ни случилось, — продолжает говорить, пока один из наших телохранителей достаёт из багажника мою коляску.

Признаюсь, рассчитывала на то, что к моменту выписки я смогу самостоятельно ходить. Пока это удаётся с огромным трудом. Буквально два-три метра и с чьей-либо поддержкой. И как бы я ни старалась, восстановление идёт не теми темпами, о которых я мечтаю.

— А можно я сама? — спрашиваю, остановив мужа в тот момент, когда он собирался поднять меня на руки и посадить в коляску. — Прошу. Здесь несколько шагов. Я справлюсь сама, — молю его, хоть и знаю, что не разрешит. Он слишком печётся обо мне. Но попытка не пытка. Вдруг повезёт, и я хоть на секунду почувствую себя самостоятельной. — С твоей помощью, конечно же, — добавляю, заискивающе глядя в его глаза. — Прошу. Пожалуйста!

— Нет, — отказывается и берёт меня на руки. Смирюсь со своим положением и крепче обхватываю его за шею. От прикосновения тут же начинают колоть кончики пальцев. И так каждый раз, стоит мне прикоснуться к собственному мужу. — Врач пока не разрешает тебе утруждать себя ходьбой. Хирурги очень долго боролись с тем, чтобы оставить тебе возможность ходить в будущем, — повторяет в который раз. И, проигнорировав коляску, направляется со мной на руках в огромный дом.

К своему сожалению, я его не помню... даже издали. Девочек я стала понемногу вспоминать. Адама тоже. Но пока лишь размолвки, но и этого на данный момент достаточно.

— Я помню, — обречённо вздыхаю. — Но...

— Не спорь, — прерывает и подмигивает. — Разве тебе не нравится, что я ношу тебя на руках повсюду? Все женщины об этом мечтают, пчёлка, а ты капризничаешь.

— Но ты ведь не будешь всегда рядом? У тебя работа. А мне нужно будет то к девочкам, то на кухню и элементарно в туалет.

— Временно наша спальня будет на первом этаже, — рассказывает, внося меня в дом. — Вообще, там гостевая комната раньше была, но она просторная и вполне подойдёт для нашего временного пристанища. Комната девочек расположена тоже на первом этаже, но в другом крыле дома. Туда без препятствий можно добраться на коляске. Рядом с нашей спальней туалет. И кухня у нас тоже на первом этаже. Поэтому и без меня сможешь справиться! Но на коляске. А пока я дома, наслаждайся тем, что тебя на руках ношу. Я не всегда такой добрый.

— По-моему, ты всегда добрый, — отмечаю с улыбкой. — Милый, красивый и романтический. Мечта. Я лично жду, когда всё это спадёт и ты мне покажешь истинного Адама Мюллера. Но ты стойкий. Держись ещё.

— Жди, — со смехом разрешает. — А теперь я тебе расскажу коротко о делах в доме. У Аси и Таси есть няня, и тебе не придётся весь день проводить с ними. У тебя самой будет помощница. К слову, бывший медработник. Она будет делать тебе уколы, массажи и заниматься гимнастикой, чтобы ты быстрее пришла в норму. Галина профессионал и своими методиками не одного больного на ноги поставила. Ещё в доме бывает домоправительница. Она занимается уборкой, готовкой, глажкой и всегда к твоим услугам. На ночь она уходит к себе. Живёт она в соседнем районе, и дорога до нас у неё занимает семь-десять минут. Но в любом случае её привозит и отвозит наш водитель.

— А я? Что в доме делаю я, если у детей няня, для бытовых нужд домоправительница? И как я помню — я не работаю. Чем живу я? Чем буду жить сейчас?

— Ты просто радуешь мои глаза, — произносит и опускает меня на диван. — Ты можешь заниматься чем хочешь, пчёлка. Я тебя не ограничиваю ни в чём. В спальне, на твоей стороне,

в тумбе лежит дебетовая карта, которой ты можешь пользоваться. Лимита нет. Пароль — дата твоего рождения.

— Спасибо, я подумаю. А где девочки? — оглядываюсь вокруг и даже прислушиваюсь, но нигде не слышны даже вздохи малышей, к которым я так привязалась. Мои любимые девочки. И почему они не вышли меня встретить?

— На плавание уехали, — отвечает Адам и, взяв со стеллажа фотографию в рамке, протягивает мне. На ней Ася и Тася в красных купальниках плывут под водой. — Приедут часа через четыре. После плавания у них английский и математика.

Бедные дети... так загружены. Но ни разу мне не жаловались. Наоборот, говорили, что папа общается с ними, как со взрослыми, и делает из них больших и умных. Они такие у меня прелестные. Не могу наслушаться и наглядеться... Разве можно так влюбляться в детей?

— Могли бы сегодня отменить занятия ради меня, — пожимаю плечами, давая Адаму намёк, что мне бы это понравилось. — Праздник, как-никак. Я из больницы выписалась.

— Они хотели, но я не разрешил. Приучаю их к ответственности и дисциплине, — проговаривает мужчина. Робот бесчувственный. Я бы лучше сейчас своих непослушных девочек обнимала, чем думала о том, какие они ответственные стали. — Да и просто хотел побыть с тобой наедине. Устроить нам романтический обед.

— А как же?..

— Домоправительницу я на сегодня отпустил, няня с девочками, а твоя помощница будет только завтра.

— Мне слегка неловко от всего этого, — мнусь. — Я понимаю, что мы много времени провели вместе. Ты мой муж. Я тебя уже начинаю вспоминать, но... я пока не готова на продолжение романтического обеда, ужина и на супружеский долг. Я понимаю, что ты мужчина и вообще, возможно, истосковался по женской ласке, пока я была в коме. Но... прости. Ничего не выйдет. Не сегодня.

— Я понимаю и ни к чему тебя не обязываю, — успокаивает, ласково погладив по руке. — Мы просто вместе пообедаем и посмотрим фильм. Я и не думал о продолжении.

Ага! Не думал он о продолжении... Ещё как думал. Я же вижу, как он на меня смотрит. Как прикасается и как намеренно дольше нужного держит на руках, зависнув на вырезе моей футболки. И не только вижу. Порой я и чувствую.

— Хорошо, — сдаюсь, сделав вид, что поверила ему. — У меня всё равно выбора нет.

— А ты быстро схватываешь, — подмигивает. — Подожди здесь несколько минут, я закончу финальные штрихи на столе, — с этими словами он выходит из гостиной в арку, оставляя меня одну в незнакомой комнате. Которую я принимаюсь разглядывать.

Довольно светлая и просторная гостиная. Мебели по минимуму. Диван, два кресла, журнальный столик, стеллаж с фотографиями, а в основном картины и растения. Последних, к слову, больше всего.

Оглядываю пространство вокруг себя, задержавшись взглядом на одной из картин. Портрет пары. Мужчина, кажется Адам, держит в объятиях темноволосую девушку, лица которой не видно. Он прижимает её к себе, открывая вид на её изящную спину.

— Готова? — Адам возвращается, отрывая меня от разглядывания картины.

— На этой картине мы с тобой? — делаю предположение. У меня тоже тёмные волосы, как у девушки. Всё возможно.

— На этой картине я с девушкой, которую любил всю свою жизнь, — сглотнув, отвечает, уставившись на полотно. Его глаза в одну секунду гаснут, а сам он поникает.

— А сейчас?

— А сейчас... я люблю тебя, — поворачивается ко мне и дарит улыбку. — Очень сильно.

— Почему эта картина на самом видном месте, если на ней не мы? — задаю вопрос, который логически вытекает из всех моих мыслей. — Я ничего не имею против, но на этой картине ты с бывшей девушкой. Это некрасиво по отношению ко мне. К твоей жене. Не думаешь?

— Я не могу её выкинуть или куда-нибудь убрать, — заговаривает, отведя глаза. — Она переезжает со мной из дома в дом. Ты должна смириться с тем, что девушка на этой картине — часть моей жизни и я не хочу её забывать.

— Ты странный.

— Она сама её нарисовала, — признаётся и его губы трогает лёгкая улыбка. — Ей хотелось мне сделать хороший подарок на день рождения, но денег не было. Она комплексовала из-за этого, и я решил помочь. Купил ей этот холст и попросил нарисовать нас с ней. Она хорошо рисовала, как видишь сама. Только у неё плохо получался автопортрет. Поэтому она спиной.

— А где она сейчас? Почему вы расстались, если ты так её любил?

— Сейчас она там, где ей хорошо и её не обижают, — отвечает, прикрыв на миг глаза. Секунда и он встаёт. — Ну что? Пойдём, пчёлка? Нас ждёт прекрасный обед со свечами и романтической музыкой. Обещаю, что ты сегодня объешься! Наталья Вадимовна потрясающе готовит.

— Госпожа Мюллер, к вам гости, — оповещает меня вошедший в кухню телохранитель. — Ваша тётя. Впустить?

— Да, конечно, — киваю, вытерев рот салфеткой и на коляске выезжаю в гостиную. Предварительно попросив домоправительницу заварить нам чай.

С родителями я в основном разговариваю по телефону, как того просил Адам. Хоть и считаю его слова преувеличением и ложной паникой, ещё тогда, в больнице, решила всё же выполнить его просьбу. Он мой муж, у нас двое детей. Адам ни разу не проявил ко мне неуважение, агрессию или какой-либо негатив. У меня нет причин ему не доверять. Он ведь не будет мне врать без причины.

Я верю, что скоро память вернётся, и я сама пойму, почему он просит меня не встречаться с родителями без его присутствия. И тогда всё встанет на свои места. А пока я доверюсь ему. Хоть и страшно.

Всего один раз за эти две недели, что я нахожусь вне больницы, дома, родители навестили меня. И то это была инициатива моего мужа. Адам пригласил их ради меня.

Встреча была провальной. Папа лебезил перед Адамом, что раздражало последнего. Мама рассказывала какие-то случаи из моей жизни и постоянно спрашивала «Помнишь?». А я не помнила. Ничего. А она всё «Помнишь... помнишь... помнишь...». Не помню!

В общем, настроение, которое должно было подняться от встречи с родными, только испортилось.

Адам после долго пытался развеселить и привести меня в себя. Мы даже среди ночи сорвались и поехали, к какому-то другу Адама, который владеет конюшней. И пусть мне нельзя было сидеть в седле, я наслаждалась видом этих грациозных животных. Гладила, кормила и даже смотрела роды.

А близняшкам друг Адама разрешил прокатиться на пони и поиграть с жеребёнком, но не с тем, который родился. Только это уже утром.

Так наша ночная вылазка превратилась в сказочные выходные на свежем воздухе. Без телефонов, интернета. Только наша семья, уют, спокойствие и абсолютная тишина. Ну, не считая криков девочек о том, чтобы Адам приготовил им картошку в углях. Один раз дали попробовать и всё... понеслась. Они даже дома её теперь просят. На десерт.

Мне жутко понравилось проводить время с семьёй. С нашими малышками, которые такие маленькие, беззащитные, наивные, но при этом такие умные, смелые, сильные. Мои...

А Адам? Кажется, я влюбилась. В его глаза. В его улыбку. В его запах. В него всего! И за что Бог послал мне такого прекрасного мужа? Мужчину, который пожирает меня глазами и порой одним взглядом обнимает. Или я просто идеализирую его? Смотрю сквозь розовые очки?

— Тётя, — восклицаю, увидев родственницу, которая идёт ко мне с улыбкой. — Наконец ты добралась до меня!

— О, да! — выдыхает она и, подойдя, обнимает. — Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? — тут же обеспокоенно закидывает вопросами.

— Нет, всё в порядке — отвечаю, чувствуя её заботу и искреннее беспокойство за меня. — Массажы помогают, лекарства тоже. Врач говорит, что ещё немного и уже смогу самостоятельно без поддержки ходить. А потом и бегать.

— А таблетки? Всё принимаешь? Ничего не надо? Может, закончилось что-то?

— Всё есть. Адам купил лекарства на два месяца вперёд.

— Тогда хорошо, — расслабляется и усаживается напротив меня в кресло. — Помощь с чем-нибудь нужна? Может, ванную принять хочешь или... гигиенические какие-нибудь процедуры провести нужно?

— Ванну мне помогает принимать Адам, — смущённо рассказываю. — Переносит туда в белье, а затем выходит и я сама. Стягиваю с себя одежду и всё что нужно делаю. Тем более в душе у нас железные поручни есть и всё в порядке. Спасибо. Ничего не нужно.

— Повезло тебе всё же с ним, — заговаривает тихо, но с радостью. — Так заботится о тебе и любит. Явно любит.

— Да, он очень хороший, — соглашаюсь, но делиться подробностями не хочется. Всё слишком личное и интимное, чтобы рассказывать тёте. — Адам сегодня поехал сам отвезти девочек на плаванье. Он жутко помешан на здоровье и даже няню гоняет по врачам. Поэтому сегодня и завтра мы сами с девочками.

— А ты осталась? Не очень нравится выходить на люди в коляске? — догадывается и я, не скрываясь и не смущаясь, киваю.

— Ага. Неловко как-то. Но мне и дома хорошо. Вот ты приехала, наконец! Я так ждала тебя!

— Извини. После смерти мужа все дела на мне. Поставки, заключения договоров. Столько дел, что порой поспать некогда.

— Мужа? Извини, я не помню его. Вообще, я мало помню о тебе. А о нём тем более.

— Ничего страшного, — успокаивает, замолчав в тот момент, когда в гостиной появляется домоправительница и выносит нам чай. — Я могу рассказать, если хочешь, — предлагает, когда та уходит.

— Да. Расскажи. Я ведь ничего о тебе не знаю.

— Даже не знаю с чего начать, — задумчиво изрекает, пережёвывая губу.

— Расскажи, почему вы мало общаетесь с папой? — решаю сама задать интересующий вопрос, на который родители не ответили мне вчера. — Когда родители звонили последний раз, я спрашивала их про тебя, но папа просто перевёл тему.

— Да... думаю, с этого и начну, — заключает и разлив нам чай, начинает свой рассказ. — Когда мне было шестнадцать, я по уши влюбилась в приезжего работягу. Он был немного старше меня, но это нас не остановило. Мы с твоим отцом жили тогда в деревне только вдвоём. Наши родители погибли, уехав на заработки. Печальная история. Федя сам меня воспитывал и растил как мог. Хотел для нас только самого лучшего и парень, в которого я была влюблена, не входил в его планы. Федя хотел, чтоб я за сына председателя вышла замуж, как только вырасту. А тот на меня глаз давно положил. Да только пропащий он был. Пил, гулял и был совершенно не таким, как мой Илюша. Твой отец избил Илью и приказал ко мне не подходить, иначе худо всем будет. Я тогда не знала об этом и думала, что мой любимый сбежал, испугавшись моей

беременности. Да-да, девочка моя... я была беременна в шестнадцать. Срок уже приличный был. Аборт нельзя было делать. Но... мне сделали. Потому что сынишка председателя поставил условие: либо я без ребёнка, либо никакого брака. Твой отец настоял и мне прервали беременность. Больше я детей иметь не могла. Опасный срок был. Врачи не самые хорошие. Вот и результат.

— О господи!

— Я возненавидела твоего отца, — тем временем продолжает тётя. — Три года я жила с нелюбимым, пока в один момент он не напился и не угорел в нашем доме, — с ухмылкой говорит. — Дома нет. Все вокруг тычут в меня пальцем и кричат, что это я убила собственного мужа. А дальше такие слухи по деревне пошли... Ох, не знаю, каким чудом всё это пережила. Я сбежала от этого позора в город. А там... спустя время, я встретила своего Илюшу! Он убедил меня помириться с братом. Защищал его. Тогда твой отец уже тоже в город переехал. Твою маму встретил. Я послушала любимого и примирилась с Федей. Да только обида не прошла. Детей-то у меня своих не будет никогда. Одно моё утешение — доченька. Падчерица. Дочь моего Илюши. Я люблю её всем сердцем! Моя отдушина и радость. Если бы не она, давно бы руки на себя наложила. И на винодельню нашу тоже.

— А где она сейчас? Падчерица?

— В Италии с семьёй. У неё уже и муж, и дети, — с улыбкой рассказывает. — Счастлива... жуть! Муж золото у неё. А дети маленькие чертята. Но ничего! Главное — здоровенькие и счастливые.

— А почему в Италии? — закидываю уточняющими вопросами.

— Она привыкла к этой стране. Мы с Илюшей и малышкой почти сразу после свадьбы переехали туда. Илюша вином занялся. Там плантации посадил и винодельню сам построил. У нас там вся жизнь прошла. А у девочки нашей так и вовсе. Там её дом, родина. Это после смерти Илюши мы на некоторое время вернулись в Россию. Но потом она вернулась обратно. Ей там больше нравится.

— И вы не видите?

— Видимся! — восклицает. — Я часто к ней летаю. С её детьми гуляю, играю. Я ведь их всех люблю.

— А почему сама в Италию не вернёшься?

— Да... как-то не хочется, — тянет, задумчиво поджав губы. — Мне здесь лучше.

— То есть с папой ты не общаешься, потому что он заставил тебя тогда аборт сделать? — уточняю для себя.

— Да, — кивает и вздыхает обречённо. — Понимаю, что сама отчасти виновата. Могла сбежать и не разрешать им делать. Но глупая была. Сейчас бы своего сына или дочь воспитывала.

— Мне очень жаль, — беру её за руку. — Наверное, папа не хотел, чтобы так случилось. Прости его... Я уверена, что он сам жалеет о своём поступке.

— Конечно, — отвечает, натянув улыбку, в которой невыносимое количество боли. — Но тут у меня есть ты. Моя кровинушка! — она сжимает мою руку. — Все люди в конце расплачиваются за свои ошибки.

Глава 4

— Вставай! Вставай! — Ася и Тася прыгают на нашей с Адамом кровати в попытке разбудить меня. — Ну, хватит спать! Сколько можно?! Уже солнце на улице! — хнычет Тася. — Скоро уже луна будет!

— Девочки, дайте повалиться, — прошу их жалостным тоном и накрываю голову второй подушкой. Подушкой Адама, которая пропитана его запахом и теплом. Кажется, что опять ночь и он вновь во сне обнимает меня. Но всё же ночные объятия лучше, чем просто подушка, пахнувшая им.

Адам всегда уезжает на работу рано, хоть и ложится поздно. Он слишком много работает. Хоть я и понимаю, что он владелец компании и всё на нём. Мне жаль собственного мужа. Не падит себя ни капли.

— Нельзя спать! — не унимается Тася, стягивая подушку. — Мы уже встали, и ты вставай!

— Зачем? — спрашиваю, понимая, что мне не суждено выспаться в этой жизни. Они будят меня каждое утро. В семь утра. Ни минутой позже. Ни минутой раньше. Вот оно значит, какое материнство... Порой обратно, в кому хочется, лишь бы поспать. Глупая шутка.

— Как это зачем? — восклицает Ася и ложится рядом со мной. — У папочки день рождения завтра! Мы должны придумать ему праздник! С шариками, тортом, дяденьками в костюмах и ещё что-нибудь! Всё как папа любит и всё для него! Он ведь всегда всё делает для нас. Завтра мы должны для него.

— Эмм... Завтра? — мигом просыпаюсь, осознавая, что не знаю, когда у моего супруга день рождения. — Почему вы мне раньше не сказали о том, что у папы день рождения скоро? Мы бы заранее подготовились. За один день ничего нормально не организовать.

— Мы сами не знали, — признаётся Тася. — Мы играли в шпионов и подслушали разговоры охранников. Они сказали, что завтра у папы день рождения и папа целый день будет дома! И не надо охранять с машинами, когда он будет ехать на работу. А что ты ему подаришь?

— Не знаю...

— Мы рисунок, — рассказывает Ася, счастливо улыбаясь. — Папе нравится, когда мы дарим рисунки. Если у тебя нет подарка, хочешь, можешь тоже нарисовать ему рисунок. Мы можем тебя научить рисовать папу, если ты не умеешь.

— Буду иметь в виду, — мягко отказываюсь, понимая, что от меня рисунок будет смешно получить. Учитывая тот факт, что я не умею рисовать. Или умею... Не проверяла. — Но я попробую придумать что-нибудь своё.

— А шарики? Торт? Украшения дома? — закидывают они меня вопросами относительно декорации дома.

— Ничего нет.

— А деньги? У тебя есть деньги, чтобы купить? — интересуется Тася.

— Есть! — решительно заявляю и тянусь к тумбе, где лежит дебетовая карта, которую мне сделал Адам. Но я так ею и не воспользовалась. Кажется, пришло время тратить деньги мужа. — Собирайтесь! Мы едем в магазин! Потом в кондитерскую, закажем торт! Потом нужно в торговый центр, искать папе подарок. Вы ведь поможете мне? Напомните, что папа любит?

— Поможем! — в один голос восклицают малышки. — Мы знаем, что папа любит, — говорит Ася и, спустившись с кровати, достаёт из-под неё коробку. — Тут папины секретики. И всё, что он любит.

— Папины секретики? — переспрашиваю, нахмурено глядя на огромную черную коробку, которую раньше не замечала. Потому что никогда и не заглядывала туда. А Адам мне не говорил о ней.

— Да! — подтверждает слова сестры Тася. — Он сам так сказал. Но ещё сказал, что нам с Тасей нельзя её открывать, потому что мы маленькие. А ты большая и можешь... — хитро сверкает глазами, глядя на коробку, а затем отводит их.

— Я... я не могу, — говорю девочкам, пока в голове бьётся одна фраза: «Хочу знать, что внутри». А совесть кричит о том, что не надо лезть куда не нужно. Если бы хотел, Адам сам показал бы. Значит, пока рано мне знать, что внутри. Но он обязательно расскажет. — Это некрасиво лезть в чужие вещи, девочки. Поэтому я не буду туда свой нос совать. Уберите коробку обратно.

— Ты вредная и какая-то правильная, — заключает Тася, выполняя мою просьбу. — Но ничего! Мы и так тебе скажем, что папа любит. Только обещай, когда ты откроешь коробку, то расскажешь нам, что там внутри. Пожалуйста. Нам очень интересно. Но мы не можем послушаться папу. Мы дали честное слово, что не полезем туда.

— Ладно, — киваю. — Давайте, собирайтесь! Поедем в город!

— Ты лучшая, мамуся, — произносит Тася и, театрально поклонившись, вместе с сестрой выбегает из комнаты, а я ещё несколько минут сижу на кровати и смотрю на место, где недавно лежала злосчастная коробка, в которой может быть что-то важное... Но что в ней? Вдруг мне не понравится её содержимое?

Но открыть не решаюсь. Хотел бы, сам показал. А лезть в душу я не буду. Какие-то у меня не очень приятные предчувствия, связанные с содержимым этой коробки. Страшно... очень...

— С днём рождения! С днём рождения! — скандируем мы с девочками, ворвавшись в спальню к ещё спящему Адаму.

Жаль, конечно, будить его в такую рань, но девочки долго не выдержат. Да и через полтора часа у них занятия по английскому языку. Адам, изверг, не дал девочкам выходной от занятий даже в свой день рождения. Благо у них сегодня только английский и праздничный ужин, который мы с девочками затеяли осуществить. Конечно, мы не обойдёмся без помощи домоправительницы, но это отдельная история. Всё же коляска на кухне создаёт много проблем и много ограничений.

— Пчёлки... — улыбка растягивается на сонной мордашке моего мужа. — Мои любимые пчёлки...

— Да! Твои! — отвечают девочки и, бросив шары, надутые гелием, бегут обнимать папу и дарить ему свои рисунки. — С днём рождения, папа! Вот! — протягивают рисунки и начинают зачитывать стихотворения, которые учили весь вчерашний вечер. Небольшие и простенькие, но Адаму явно нравится. По лицу понятно, что сюрприз удался и папа остался доволен.

— Спасибо, девочки! Спасибо! Вы у меня большие молодцы! Я вами горжусь! Сами нарисовали? — спрашивает у них, разглядывая свои портреты. — Ух ты! Просто невозможно как красиво! Может вам на рисование пойти ещё? У вас талант! Самый настоящий талант! Вы вообще у меня разносторонне талантливы!

— Мы подумаем, — скромно отвечают малышки, смущаясь комплиментам папы.

— Спасибо ещё раз, пчёлки! — благодарит их. — Давайте, залезайте в кровать. Повалюсь и побалуемся немного. Я так рано вставать не намерен.

Улыбка сползает с моего лица, когда я понимаю, что тоже хочу к ним, но не могу. Слишком долго перемещаться с коляски на кровать. Да... и как-то впервые почувствовала себя ущербной, обузой, чужой. Калекой. Понимаю, что это всё временно, но ничего со своими мыслями поделать не могу.

Развернув коляску, собираюсь поехать на кухню и проверить как там пирог. И всё равно мне, что домоправительница за ним смотрит. Лишние глаза не мешают.

— Ты куда? — прилетает мне вопрос в спину, и я останавливаюсь, глотая боль в голосе, движениях и взгляде.

— На кухню, — отвечаю, надеюсь обычным тоном, не выдающим меня. — Накрою стол и буду вас ждать в столовой.

— А ну, брось всё это! — строго командует и по скрипу матраса понимаю, что Адам встал. Пара шагов и он передо мной в одних пижамных штанах. Опускается на корточки, чтобы быть на уровне моего лица и спрашивает: — Почему решила уйти? Не нравится с нами время проводить?

— Да просто вы беситься собрались. Не хотела мешать, — вежливо отвечаю, сдерживая слёзы. Мне обидно, что я такая. Что не могу ходить пока нормально. И спина болит при долгих нагрузках. И что носятся со мной как с немощной. Надоела эта коляска! Сама хочу ходить! Бегать! Прыгать! Бесится в кровати с семьёй, в конце концов!

— Ты нам мешать? — приподнимает бровь, а затем, не дожидаясь моего ответа, встаёт, берёт меня на руки и перемещает на кровать. — Прекрати так думать, пчёлка! — отчитывает, усадив меня на кровать, на своё место. Сам садится рядом. — Мы тебя любим любой! На коляске или без! Ты такая же, как мы, просто тебе сложнее даются некоторые действия! Но ты всё равно наша семья.

— Да, мамуся, — вмешивается Тася. — Мы тоже раньше не могли сами к папе на кровать залезать. И папа тогда купил нам лестничку маленькую... Ты скоро выздоровеешь и тебе даже коляска не нужна будет.

— Надо просто потерпеть и подождать немного, мама, — ласково добавляет Ася, погладив меня своей крохотной ладошкой по щеке. — Мы все болеем. Просто кто-то быстро становится здоровым, а кто-то медленнее. Тася всегда раньше меня выздоравливает. Всё будет хорошо, мамочка! Мы тебя правда любим.

— Прекрати, — ласково просит Адам и стирает с моего лица слезы. — Вообще-то у меня день рождения, а ты ревёшь!

— Извини. Просто... Извини! Я в порядке! Просто вы такие хорошие у меня. Я не могу... — признаюсь, за что мигом оказываюсь вначале в детских объятиях, а затем ещё и в мужских.

Вот как у них это получается? Девочки вроде такие маленькие, но такие умные. Понимают всё, пытаются утешить и подбодрить. И Адам такой замечательный, что сердце останавливается от любви к нему.

— Девочки, а давайте играть в щекотку? — неожиданно предлагает мой муж и жертвой каждого становлюсь я. Адам, конечно, меня щадит, переключаясь на малышек, но те, кажется, во мне нашли слабого игрока. На папу даже не нападают и друг друга не трогают. Альянс заключили.

После продолжительной, но весёлой игры мы всем составом идём на завтрак. Весёлые, счастливые, румяные, хохочущие без остановки. Будто бы какая-то семья из рекламы. Но нет... она реальная. И она моя. Моя семья. Мой муж. Мои дети.

В столовую Адам заносит меня на руках, отказавшись брать коляску. А по дороге вообще заявил, что сегодня на руках будет носить и о коляске мы сегодня не вспоминаем. Но это он ещё не знает о моём подарке.

— Я тебя люблю, — шепчет Адам, опуская мою тушку на стул. — Запомни это и не забивай голову всяким бредом.

— Я... я тоже тебя люблю, — произношу, остановив его за руку. — И у меня тоже для тебя есть подарок, — заинтересовываю его. — Даже два. Но я подарю тебе их, когда девочку уйдут.

— И что же это?

— Узнаешь... — обещаю и весь завтрак ловлю на себе взгляд мужа.

Он волнует, переворачивает всё внутри меня, заставляя думать о том, что будет уже совсем скоро.

В груди растёт то, что, казалось бы, давно забыто. Страсть и обожание мужчиной, что сидит напротив меня.

Хочется одновременно сбежать, чтобы не пропасть в Адаме окончательно. И кинуться к нему, чтобы, наконец, полностью забыться. Страшно, но дороги назад нет... Я хочу быть со своим мужем и ничего меня не остановит.

— Отнесёшь меня в спальню, — прошу Адама, проводив девочек на урок английского языка. Куда они уехали нехотя. День рождения отца им явно было больше по душе, чем поездка к репетитору. — Пожалуйста.

— Уже несу, — ответил и понёс в нашу совместную комнату, где долгие ночи мы спали на одной кровати, под одним одеялом, в объятиях, но никогда не вместе. Как муж и жена. Как женщина и мужчина. Я не позволяла, а Адам не настаивал. Давал время.

— Посади на кровать, — дальше прошу, и он выполняет мою просьбу.

Как только я оказываюсь на поверхности кровати и поудобнее усаживаюсь, тянусь к поясу белого в горошек платья. Аккуратно развязываю, хоть руки и трясутся. Распахиваю полы платья в стороны и открываю мужу вид на себя. И комплект белья, который купила вчера в торговом центре.

— Ты...

— Да, я... я хочу быть с тобой, — поднимаю на него взгляд. — А ты? Ты хочешь быть со мной... такой? — указываю на себя и свои ноги.

— Я готов быть с тобой любой, — отвечает, опускаясь на колени. — Ты даже не представляешь, как сильно я хочу быть с тобой, — опускает голову мне на колени, пальцами дотрагиваясь до щиколоток. — Ради тебя и девочек я готов на всё, — говорит, подняв глаза на меня. — Даже на убийство...

— Не надо... — мотаю головой. — Просто будь со мной и этого достаточно, — шепчу. — Будь со мной сейчас.

— Буду, — обещает и, подняв мои ноги, прокладывает дорожку из поцелуев. Начиная с пятки, заканчивая внутренней стороной бедра. — Всегда буду... моя! Моя пчёлка! Моя любимая... — поднимается сам на уровень моих губ и в одну секунду стирает меня своим поцелуем. Заставляет забыть кто я. Зачем я. И почему я. Оставляя лишь один вопрос: за что мне такой, как он?

Долгие часы он показывает и доказывает мне свою любовь. Выбивает и достаёт её из каждого уголка своей души. Обнажает себя духовно и морально. Напоминает, каково это — любить и быть любимой. Шепчет приятные обещания, фразы, зарождающая в моей душе новый лучик света.

— Моя... — повторяет в который раз. — Не могу, — стонет от собственного бессилия. — Не могу оторваться от тебя! За что мне это?! Я же убью тебя своим голодом! Ты это понимаешь?

— Понимаю, — шепчу, полуспящая и выжатая как лимон.

— Я уже сам не могу, но чёрт, ты словно намазана мёдом, пчёлка. Ты либо беги, либо готовься к смерти.

— Лучше к смерти, — соглашаюсь, расхохотавшись. — Бежать не получится. Но перед смертью я хочу тебе вручить второй подарок.

— Второй? Что может быть ещё лучше этого? — интересуется, проведя рукой по моему телу.

— В шкафу посмотри. Большая коробка. Плоская, — прошу его, и он нехотя встаёт. Проходит к шкафу, сверкая обнажёнными ягодицами. Достаёт коробку и показывает мне. — Да! Открывай! — подцепив крышку, снимает её и открывает себе вид на подарок. — Рама для твоей картины. Я понимаю, как это важно для тебя, потому принимаю. И хочу, чтобы ты знал,

что я принимаю всё, что касается тебя. И твоё прошлое тоже. Но обещай, что оно никогда не коснется нас и не разрушит наши отношения.

— Давай, — мягко подбадривает Адам, придерживая меня под локоть. — Ещё один шаг, пчёлка, — растягивает, наблюдая за тем, как я вновь учусь ходить. Стоять я научилась ещё давно, а вот с ходьбой дела обстоят ужаснее.

Самой ходить сложно. Постоянно падаешь. От этого синяки, раны и шишки. Довериться своей помощнице или врачу и попробовать делать шаги под их контролем не могу. Я просто-напросто не доверяю им и боюсь, что они меня вовремя не поймают. И опять будут синяки и другие повреждения. А это очень злит моего муж, и у нас начинаются ссоры. Но... мне не нравится с ним ссориться. Поэтому я нашла альтернативу, которая устроила нас с любителем пчёл.

Лишь Адаму я доверилась на все сто. По двадцать-тридцать минут каждое утро мы занимаемся моей реабилитацией. С каждым днём всё лучше и лучше. Сегодня я практически сама дошла до ванной комнаты, но муж всё равно страховал меня. Подбадривает и говорит, что у меня всё получится.

И это так приятно. Так ценно. Много говорит о мужчине, которого я люблю.

— Дошла! — восклицаю, дотронувшись до двери ванной комнаты. Оборачиваюсь к Адаму и ослепляю его радостной улыбкой. — Ты рад? Ты гордишься мной?

— Горжусь, — отвечает и в одну секунду я оказываюсь в его объятиях, в которых могу расслабиться и оторваться от земли. И не только физически, но и духовно. С ним я могу летать. — Я больше, чем просто горжусь! Ты настоящая умничка, пчёлка.

— Спасибо, — на моих губах появляется счастливая улыбка, которая не пропадает около месяца. С того самого дня рождения моего любимого мужчины. С того момента, как тёмное время суток превратилось в ночи любви, страсти и безумства. — Я люблю тебя, Адам Мюллер. Очень-очень сильно.

— А я тебя, пчёлка, — шепчет и припадает к моим губам, которые от всех его нескончаемых ласк стали больше в два раза без пластики.

После нашей первой ночи у мужа словно цепь сорвало, и он вечно ко мне пристаёт. То крадёт быстрые поцелуи, пока девочки делают вид, что не видят, то утаскивает в спальню, где мы запираемся. То ни с того ни с чего поцелует руку, плечо, ногу... Близняшки тихо хохочут со своего «сумасшедшего папочки», как они его называют.

— Адам, — начинаю говорить в его губы, потому что сегодня он утренними поцелуями, кажется, решил не ограничиваться... — Почти семь. Скоро девочки придут.

— Дверь заперта, — оповещает, отстранившись на несколько сантиметров. — Поэтому мы можем продолжить и...

— И услышать их истерику о том, что маму с папой похитили, — напоминаю то, что было в прошлый раз. — Ты опять хочешь пропустить работу, успокаивая своих пчёл? Закармливать их сладким в надежде, что они перестанут нас обнимать, боясь, что мы вновь пропадём?

— Лучше я пропущу работу, проведя освободившееся время с тобой. В спальне. На белоснежных простынях... — не унимается. Не слышит. Ну ладно. Я предупредила.

— Под звуки того, как наши девочки тарабанят дверь... — продолжаю за него.

— Какая же ты дотошная! — восклицает и унося меня на кровать, аккуратно опускает на неё.

Затем идёт к своей тумбе и берёт телефон. Несколько мгновений что-то в нём просматривает, а после прикладывает смартфон к своему уху. — Захир, передай няне, чтобы будила девочек, собирала их. Сегодня я разрешаю им позавтракать в той их любимой пекарне с пончиками... Да. Да. Конечно. Охрану, да. Отбой.

— И не стыдно тебе? — журю мужа, когда он заканчивает разговор. — Детей практически выгнал из дома. Ай-ай-ай, какой ужасный папа!

— Ужасный папа? — переспрашивает, направившись ко мне. — Ошибаешься. Я им прекрасный отец. Но у меня молодая, — его рука оказывается у меня на коленях, медленно поднимаясь. — Привлекательная, — вторая рука повторяет манёвр первой. — Страстная, — обе руки тянутся к поясу халата и развязывают его. — Жена, — халат пропадает где-то позади Адама. — От которой я без ума, — наклоняется к моей шее.

— И...

— Молчи, — приказывает, приложив палец к моим губам, не отрывая рук от шеи, ключиц и плеч. — Здесь говорю только я. Ты молчишь и подчиняешься мне. Поняла? Кивни, — приподнимает голову в ожидании ответа.

Заворожённо смотря в его глаза, киваю, чувствуя ауру властности и силы, исходящую от супруга. Его же взгляд блуждает по всему моему телу, обжигая каждый миллиметр кожи.

— Пчёлка, ты такая... — хочет он что-то сказать, но его прерывают. Вначале шум бьющихся об дверь ладошек, а затем крики и мольбы впустить.

— Мамусик! Папа! — кричат девочки, вызывая у меня дикий хохот.

А я о чём говорила? Нам от них не скрыться, как бы сильно мы этого не хотели. И как бы Адам не хотел их сбавить. Утренний ритуал близняшек зайти к нам в комнату ничто не изменит. Даже сильное желание их отца овладеть мной.

Пусть терпит. Выдержку тренирует.

Злая я, наверное. Но мне так нравится выражение лица Адам, когда его планы обламываются.

Глава 5

— Не может быть, — выдыхаю, а на губах расцветает улыбка. — Это просто невероятно! — шепчу и поднимаю взгляд на доктора.

Сердце стучит как сумасшедшее от новости, которую мне сообщила эта прекрасная женщина. Сегодня у меня плановый осмотр и я проходила всех врачей, сдавала анализы, беседовала с различными медиками. Один из докторов заподозрил неладное и направил меня на непривычные для меня анализы, а затем на УЗИ. Все молчали и не заносили вердикт в мою карту. А уже мой врач сообщил мне результат. Неожиданный. Нежданный. Негаданный.

— Чему вы удивляетесь, Юлия? — мягко спрашивает Елена Евгеньевна, которая сегодня заменяет моего лечащего врача. — Судя по следам на вашей шее, интимная жизнь у вас с мужем довольно активная, — произносит с понимающей улыбкой на губах.

Смутившись, поправляю на шее шарф, ругая мужа, который вновь не сдержал свои губы. Вот ведь засранец! Знал, что мне к врачу утром, а пыл свой не убавил. Ничего! Отомщу ему перед важной встречей.

— Ну просто... мы почти всегда предохраняемся, — неловко рассказываю, крутя на пальце обручальное кольцо. — Без контрацептивов было раз или два всего. Не могло же...

— Могло быть всё, — говорит врач, а затем добавляет: — Иногда такое бывает, что всегда с защитой, а один раз забыли и беременность. Или вы не рады малышу, Юлия? В таком случае направлю вас к гинекологу и на аборт. Но это риск...

— Рада! Конечно же, рада! Просто неожиданно. Вот и растерялась, — отвечаю, давая понять, что ни в коем случае не пойду на убийство нашего с Адамом малыша. — Я думала, мы с мужем позже детей заведём и даже не мечтала о том, чтобы это произошло сейчас. Признаюсь честно, я даже позабыла о том, что от секса случаются дети. Даже не думала об этом.

— Понимаю, — хмыкает, но скорее весело, чем осуждающе. — Беременность любит приходить в самое неожиданное время. Моя первая беременность тоже была незапланированной и совсем не вовремя, но когда я родила, поняла одно: беременность приходит, когда нужно, а не когда мы её хотим, — сняв очки, оборачивается ко мне и уже ласковее интересуется: — Мне передавать ваши документы в женскую консультацию? Будете наблюдаться у нас или другую клинику выберете? Должна сказать у нас хорошие гинекологи и акушеры. Лучший в городе родильный блок. Ваша беременность слегка рискованная из-за комы, лекарств и ещё существующих проблем с позвоночником. Вам в любом случае нужен не просто родильный дом, а именно многопрофильная клиника.

— Да, у вас, — киваю, так как в этом вопросе мне всё равно. Клиника дорогая, но Адам в любом случае оплатит все расходы по беременности. Он нежадный в вопросе здоровья. Наоборот, всегда за дорогую, но качественную медицину. — А какой срок у меня? Мне ничего не говорили всё это время.

— Судя по тому, что мне передали коллеги пять-шесть недель, — отвечает, взяв в руку заключения аппарата УЗИ.

— Доктор, спасибо! Это невероятно... У меня будет малыш! Ещё один! Даже не верится...

— Ещё один? — хмурится Елена Евгеньевна, заглядывая в мою карту, принявшись её листать.

— Да, у нас с мужем ещё две дочери. Близняшки, — произношу, вспоминая малышей, которые рвались поехать сегодня со мной. Держать меня за руку, когда злая тётя будет забирать у меня кровь. Ася, которая вообще боится этого, даже предлагала пройти этот анализ за меня.

— Странно, — напряжённо тянет, не отрываясь от изучения моей карты.

— Что именно?

— У вас в карте нет упоминаний о беременности, — ошарашивает своими словами.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Может просто муж и родители забыли приписать это, когда оформляли меня к вам.

— Возможно, — соглашается и с вежливой улыбкой отстаёт от моей карты. — И не такое бывает. Группу крови путают. Хорошо, что перед всеми манипуляциями мы заставляем пациентов кровь повторно сдать. Ну ладно, Юлия. Всего доброго! На следующей неделе будет уже ваш врач и он будет вас наблюдать в дальнейшем. Всего хорошего вам и малышу, Юлия. Выздоровливайте!

— Спасибо, — благодарю её и, взяв палочку, встаю.

Я уже могу нормально ходить. С палочкой, но уже сама. Последний месяц Адам даже отпускает меня самостоятельно ездить в клинику. С охраной и водителем, но саму. Чувствую себя, словно ребёнок, которого впервые отпустили погулять подальше от дома. Жутко самостоятельной и невероятно крутой.

С трудом дожидаюсь вечера, ужина и момента, когда мы с мужем останемся наедине. И я смогу сообщить ему важную для нашей семьи новость.

— Адам, — начинаю, застав его в тот момент, когда он снимал рубашку.

Пройдя в комнату, сажусь на кровать, отложив свою палочку в сторону. Руки трясутся, а улыбка так и норовит появиться на моём лице. Но я держусь. Хочу сделать ему сюрприз.

— Да, — отзывается, продолжая сражаться с пуговицами и даже не оборачиваясь, чтобы увидеть мой новый наряд, который я купила, чтобы сообщить ему новость о беременности и отпраздновать пополнение в семье.

— Нас скоро будет больше, — загадочно произношу, думая, что он уже уловил намёк.

— Опять решила котика завести? — со смехом интересуется. — Учти, я больше в ветеринарную клинику с ними один не поеду. Мои партнёры до сих пор странно поглядывают на мои исцарапанные руки.

— Не котика, — тяну, сглатывая. — Адам, я беременна.

Руки мужа застывают в тот момент, когда из моего рта вылетает известие. Спина становится каменной и неестественно обездвиженной. Словно он не дышит.

— Ты слышал меня? — задаю вопрос, когда паника охватывает меня с головой. — Или у тебя такая странная реакция на эту новость? Я беременна, Адам, — встаю и без палочки подхожу к нему. — У нас будет ещё один ребёнок, — добавляю, дотронувшись до его плеча. — Ещё одна пчёлка или... пчёл...

— Ты должна сделать аборт, — заговаривает, выбив почву из-под ног.

— Что? Что ты сказал? — переспрашиваю, не поверив собственным ушам. Отдёргиваю руку от человека, который мог сказать такое. — Ты же не сказал мне делать аборт? Убить нашего малыша...

— Я именно это и сказал, — повторяет тоном, не выражающим ни единой эмоции, но даже сейчас он не поворачивается. Стыдно за собственные слова? Или не может сказать мне о таком глядя, в глаза? Трус! — Прости... — шепчет, вернувшись к своему предыдущему занятию.

Расстегнув рубашку, снимает её и вешает на плечики. После чего надевает домашнюю футболку. Всё слишком медленно и спокойно, словно намеренно оттягивает момент, когда посмотрит мне в глаза.

— Прости?! — восклицаю, не выдержав, и делаю шаг от него, как от прокажённого. — Ты просишь меня сделать аборт. Нет, ты заявляешь, что я должна его сделать! И просто «Прости»?

— Девочка моя, любимая, — он наконец оборачивается ко мне, мягко обращаясь. — Мне очень жаль, что так всё вышло. Мне стоило быть аккуратнее и думать о защите. Но мы не можем себе это позволить. Не может позволить ещё одного ребёнка сейчас.

— Почему? — кричу и делаю ещё один шаг назад, который отдаляет нас не только физически, но и морально. — Деньги? У нас есть деньги! У моих родителей есть деньги! У моей тёти есть деньги! Почему, Адам?! Почему?!

— Ты на лекарствах, пчёлка, — пытается сохранить мягкий тон мужчины, которого я люблю. — Неизвестно как они скажутся на плоде. Сейчас или в дальнейшем. Роды — риск для нас и твоего позвоночника в данный момент.

— Кесарево! Мы сделаем кесарево! Его всегда делают при сложном положении матери! Я знаю! Я целый день об этом в интернете читала.

— Нет! — строго обрывает. — Вынашивание плода — это тоже небезопасно для твоего здоровья! Опять же позвоночник!

— Прекрати называть нашего ребёнка плодом! — кричу, не веря, что мужчина, которого я люблю, может так поступать со мной и нашей крошкой. — Это наш ребёнок! Наш с тобой малыш! И он будет жить! Никакого аборта не будет!

— Пчёлка, прошу... Пожалуйста! Не сейчас! — вижу, что слова даются ему с трудом, но он не унимается и продолжает просить сделать эту дикость. — Ты только начала лечение! Ты только начала восстанавливаться! Ходить! Обещаю, что позже у нас будут дети. Но не сейчас! Я молю тебя!

— Я хочу сейчас! Я хочу этого малыша! — проговариваю в слезах. Вижу, что он хочет обнять и утешить, но не позволяю. — Если будет нужно, я готова лежать на кровати и не вставать! Но этот ребёнок будет! Я хочу его! Адам! Не поступай так со мной! Скажи, что это всё шутка? — слёзы льются нескончаемым потоком. — Скажи, что тоже его хочешь! Пожалуйста!

— Хочешь сейчас? — хватается за мои слова, предлагая очередной бред. — Давай наймём суррогатную мать? Прямо сейчас? Хочешь? Поедем в клинику? Прошу! Пожалуйста! Пусть другая женщина выносит нашего ребёнка!

— Ты что, не понимаешь?! — удивлённо восклицаю. — Я хочу малыша, который сейчас у меня в животе! Которого сама рожу!

— Это ты не понимаешь... — выдыхает, опустив глаза. — Какой у тебя срок?

— Пять-шесть недель.

Долгие минуты он с болью во взгляде смотрит на мой плоский живот, в котором ЕГО ребёнок. Смотрит, а в какой-то момент подходит. И я позволяю. Подойти. Прикоснуться к животу и почувствовать то, что ещё сложно ощутить. Но он чувствует. Понимает. Осознаёт. Но не успокаивается.

— Тебе нельзя рожать, пчёлка, — поднимает на меня взгляд суицидника. Который хочет жить, но не может поступить иначе. — Это загубит весь результат твоего лечения. Прошу! Ради меня, ради девочек, давай сделаем аборт? Воспользуемся услугами суррогатной матери, но я прошу тебя, — он падает передо мной на колени. — Умоляю! Я не хочу потерять тебя после тех долгих дней, которые провёл у твоей кровати, когда ты была в коме. Ты понимаешь, каково будет Асе и Тасе вновь потерять мать и в этот раз окончательно?

— Что? Потерять меня? Я не понимаю тебя, Адам, — признаюсь. — Это просто беременность. Да, сложная. Но ничего опасного для меня. Рядом будут врачи, и они позаботятся обо мне.

— Поймёшь, когда память к тебе вернётся, — загадочно произносит, зля меня ещё больше. — Я понимаю, что это сложно. Сделать аборт. Но так нужно для твоего здоровья.

— Нет! Я не буду этого делать! — уверенно заявляю и отхожу от Адама, продолжающего стоять на коленях. — А ты... эгоист! У тебя в голове непонятно что и ты пытаешься заставить меня сделать ужасное только потому, что есть причины, о которых ты мне не говоришь! Это эгоистично и... ужасно. Ребёнку быть! Хочешь ты этого или нет! Я сделаю всё, но мой малыш родится, — развернувшись, иду на выход из комнаты.

Глава 6

— Пчёлка, — Адам нежно дотрагивается до моего плеча в попытке привлечь внимание. Надоело, наверное, что я два дня с ним не разговариваю. Да и мне, признаюсь, плохо, когда смотрю на его расстроенное выражение лица. А также на его попытки помириться. Но я скала. Держусь и не даю ему себя переубедить. — Ну, девочка моя любимая...

— Не прикасайся ко мне, — скидываю его руку и делаю шаг в сторону. — Не забывай, что прикасаясь ко мне, ты прикасаешься и к ребёнку, которого не хочешь.

— Я хочу этого ребёнка, — ошарашивает неожиданными словами. Но я в них не верю. Не может человек за два дня поменять своё мнение в таком серьёзном вопросе. Не он. Адам тысячу раз всё взвесит и лишь затем примет решение. — Но я беспокоюсь о тебе и твоём здоровье. Ты не понимаешь, какой риск для него несёт наш малыш, — а в эти слова уже верю охотнее. Я их последнее время только и слышу от мужа и отца моих детей. Существующих и ещё не родившегося. — Ну хватит уже, пчёлка, — забирает из моих рук одеяло. — Возвращайся в спальню...

— Нет! Мне хорошо спится и в гостиной! — отбираю одеяло обратно и продолжаю свой путь к шкафу, чтобы спрятать атрибуты своего ночного удобства и сна.

— Упрямая, — тяжело вздыхает Адам за моей спиной. Спешит следом.

— Какая есть, — безразлично пожимаю плечами. — И поэтому я буду за ребёнка, чтобы ты не говорил.

— А что, если этот ребёнок, развиваясь, погибнет в утробе? Что, если у тебя случится выкидыш? Или роды будут тяжёлыми, и ты останешься инвалидом? Или ещё хуже — умрёшь? Что будет со мной? А с нашими дочерьми? — воспроизводит вслух ужасные предположения, за которые язык ему отрезать хочется.

— Этого не случится!

— Ты уверена в этом? Ты консультировалась со специалистом?

— Мне врач сказала, что я смогу выносить, — уверенно ему заявляю, но вся уверенность рушится в тот момент, когда он шокировано задаёт следующий вопрос:

— Подожди, ты ещё не консультировалась с гинекологом? — хватая за руки и разворачивает, посмотрев на меня глазами, полными удивления. — Он не проводил никакие исследования относительно твоей возможности выносить?

— Моего лечащего врача не было. Его заменяла другая женщина, и она сказала, что всё хорошо. С гинекологом пока не консультировалась. Мы с заменой моего лечащего врача только обнаружили беременность и поставили меня на учёт в женскую консультацию, — рассказываю, понимая, что Адам прав. Нужно сначала поговорить с акушерами и гинекологами, а потом думать, что делать.

А вдруг при моих проблемах с позвоночником мне опасно рожать? Что, если малыш будет страдать из-за моей болезни?

— Тогда о чём речь, пчёлка? Тогда все наши ссоры и скандалы бессмысленны! — восклицает, но вовсе не радостно, а чуточку агрессивно. — Я требую, чтобы ты вначале прошла все обследования, и именно гинеколог вынес свой вердикт, опираясь на то, что у тебя проблемы с позвоночником. Твой лечащий врач не специалист в этой области и не подскажет тебе правильного решения.

— Если гинеколог скажет, что я смогу выносить, то ты перестанешь настаивать на аборте и примешь ребёнка? — задаю контрольный вопрос.

— Приму, — отвечает со вздохом и дарит мне печальную улыбку. — Но обследование ты пройдёшь не в той клинике.

После его слов хочу подойти и обнять мужа. Сказать, что люблю, и наш малыш будет жить. И с ним, и со мной всё будет хорошо. Но последняя фраза Адама настораживает.

— Почему? — прищуриваюсь. — В той ты врачей подкупить не можешь?

— Ошибаешься, — ухмыляется. — В той клинике очень и очень продажные медики. Ты даже не представляешь, насколько. Дело в другом. Согласна на обследование в другой клинике?

— Да! Только если оно будет честным.

— Самым честным, — клятвенно обещает и я верю. — Пчёлка, скажи мне одно: ты точно хочешь оставить этого ребёнка? Твоё решение вдруг не поменяется?

— Я хочу нашего малыша, — подхожу и даю ему дотронуться до моего живота. — Очень хочу, Адам. И попробую найти с гинекологом решение всех проблем на пути к рождению нашего сына.

— Сына? — переспрашивает и на его лице появляется радостная, мечтательная улыбка. — Я бы хотел сына. А потом ещё одного...

— Будет, — обещаю ему и верю в его желания. Чувствую, что не врёт. Но тогда почему вначале хотел избавиться от него? Или у него новый план и его внезапная любовь к малышу — спектакль?

— Получается, твой лечащий врач не знает о твоей беременности? — внезапно интересуется Адам, не убирая руки с моего живота.

Кажется, ему понравилось щупать плоский живот. Извращенец.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — В карте записано. Если он прочитал, то да.

— А родители... тётя?

— Я им не говорила.

— Отлично, — заключает, убирая руки. Выловив момент, целует в щёчку. — Я пойду собираться на работу, пчёлка. Из машины вышлю адрес клиники. Сегодня же поедешь.

— А я таблетки пить пойду., — обречённо вздыхаю.

— А тебе их можно, если ты беременна? — напрягается.

— Можно, — отвечаю, продемонстрировав свою личную аптечку. — Сказали то, что мне выписали — можно пить. Только одни таблетки исключили, но из-за того, что в них больше нет надобности. Ещё мне сказали, что совсем скоро можно будет от всех отказаться. Останутся только витамины для памяти, — поднимаю пузырёк и показываю его Адаму.

— Витамины для памяти? — задумчиво протягивает и подойдя ко мне, забирает пузырёк из моих рук. — Тебе врач их прописал? — задаёт вопрос, не отрывая взгляда от таблеток.

— Ну да...

— Ты больше их не пьёшь, — заявляет и пройдя к мусорному баку, выкидывает их в него.

— Почему?

— Потому что они наоборот не дают тебе вспомнить ничего, — ошарашивает своими словами. — И я не знаю, как они действуют на беременность.

— Что? Откуда ты знаешь, что таблетки дают не тот эффект?

— Я знаю всё, пчёлка, и даже больше, — тербит меня за щёку. — Кое-кому невыгодно, чтобы ты всё вспомнила. Это разрушит планы одного важного в нашей жизни человека, пчёлка.

— Что? — переспрашиваю, но он вместо ответа отстраняется и идёт в спальню. — Адам! Что значат твои слова? Какие планы? Кто этот человек?

— Извини. Опозываю! Позже поговорим...

— Присаживайтесь, госпожа Мюллер, — просит пожилая, но явно опытная в своей сфере, женщина. Гинеколог с многолетним стажем и прекрасной репутацией. Последние три дня мы вместе с Илоной Андреевной, так зовут эту женщину, проводим различные обследования и проверки. Сегодня мне озвучат результат. — Ваш муж мне объяснил вашу проблему

и состояние здоровья. А также мне сообщили о рисках, связанных с вашей беременностью. Предоставили вашу медицинскую карту. Делать вывод буду, опираясь и на результаты обследований в нашей клинике...

— Прошу вас! Не тяните! — молю её. Я и так все три дня как на иголках.

— Беременность будет крайне опасной как для вас, так и для плода, — убивает одним предложением. — Существует риск, что вы можете просто недоносить ребёнка. С вероятностью в семьдесят процентов эта беременность будет неудачной. Но есть тридцать процентов, говорящих о том, что всё может пройти благополучно, — тут же радуется, и я уже готова кричать, что войду в эти тридцать процентов. — Только должна предупредить, что последствия могут быть не очень приятными. Операция, которую вам недавно провели... Не буду скрывать от вас и смягчать удар, но ребёнок может родиться больным. Или же вы останетесь калекой и весь путь лечения вашего заболевания будет напрасным. Или же вовсе больше не возможным. Вы останетесь навсегда в инвалидном кресле. И это может случиться даже если произойдёт выкидыш. Ваше здоровье, госпожа Мюллер... — она цыкает языком, а затем ласково добавляет: — Мне очень жаль. Неудачное время для беременности.

— Всё так... серьёзно?

— К сожалению, — вздыхает. — Вы можете рискнуть. Я готова вести вас круглосуточно. Попробую минимизировать все последствия острых углов этой беременности. Но если вы согласитесь, то должны быть готовы ко всему. Даже к экстренному кесареву сечению начиная с двадцать восьмой недели. Дети в этот период слабые и недоношенные, но уже могут появиться на свет, — рассказывает, а мне уже страшно за кроху. — У меня уже была пациентка практически с такой же проблемой, как у вас. Мальчик родился на тридцать второй неделе. Мне удалось спасти всех. Ребёнок провёл не один месяц в корпусе для недоношенных. Мы боролись за него и всё прошло удачно.

— Я готова!

— Но есть риск, госпожа Мюллер. Не факт, что с вами будет так же удачно, как и с другой пациенткой, — её глаза полны сожаления и жалости. — Но я готова на это пойти. Я понимаю вас, как никто другой, — вздохнув, она опускает взгляд. — Ещё вы можете выбрать аборт и вам не придётся рисковать ничем. Я знаю, что у вас две дочери. И этого вполне хватит для счастливой семейной жизни.

— А-аборт? Я бы не хотела, — говорю, но она и сама это знает.

— Понимаю, — она берёт меня за руку. — Девочка моя, дело в том, что аборт для тебя тоже опасен. После него ты не сможешь больше иметь детей. Я проверила это трижды. Поэтому я предложила тебе попробовать сохранить беременность. Я знаю... ты бы долго себя корила, если бы убила ребёнка. Я сама такая же... отказалась от своего, возможно больного, малыша. И теперь меня мучают мысли, а вдруг он родился бы здоровым.

— Получается и то и то опасно для меня?

— Да, — кивает. — Мне очень жаль. Тебе нужно обсудить с мужем, что делать. Рисковать и попробовать выносить этого малыша или же сделать аборт. Но больше детей у вас не будет.

— Есть риск того, что я могу умереть во время родов? — задаю один из важнейших для себя и Адама вопрос. Я не смогу оставить близняшек.

— Такой риск есть даже при обычной беременности.

— Ясно... Мне нужно подумать, — заключаю и встаю с кресла.

— Конечно, — Илона Андреевна поджимает губы и, поправив на переносице очки, вписывает что-то в карту. — Жду вас у себя, когда надумаете. Но не тяните. Если решите делать аборт, то лучше не затягивать. И если сохранить, то тем более. Важна каждая минута.

— Спасибо вам.

— Удачи, госпожа Мюллер, — вежливо бросает, но у самой двери добавляет от всего сердца: — Как женщина я даже не знаю, что вам посоветовать. С одной стороны, у вас есть

две дочери, а с другой... аборт — это очень трудно для любящей матери. Если вы примете решение рожать — я буду рядом с вами, несмотря ни на что.

После приёма врача, дома я пересказываю Адаму всё, что мне сказала Илона Андреевна. Это даётся с трудом и со слезами на глазах, ведь теперь слова Адама не беспочвенны и подтверждаются. Беременность и правда опасна для меня, но и аборт не принесёт нашей семье радость.

Я всё ещё не могу поверить, что моя спокойная и счастливая жизнь превратилась в каторгу. Все мысли о том, что мне делать. Стоять на своём и сохранить малыша или же пойти на убийство.

Хотя последняя мысль убивает меня.

Я не могу! Просто не могу убить нашего с Адамом ребёнка!

Да и вообще! Это не для меня!

В этот день мы оставляем данный вопрос открытым. Моя истерика не дала нам нормально поговорить и обсудить. Но порадовало одно: Адам не стал сразу настаивать на аборте, а расспрашивал о том, что будет, если оставить малыша. Звонил Илоне лично, расспрашивал её.

Кажется, эта женщина — его близкая знакомая, раз он прервал её дела, и она спокойно ему всё разъяснила, пока я плача лежала у него в объятиях. У меня было так отвратительно на душе. Ком в груди стоял и не проходил. Кошки скреблись от мысли, что в будущем нашу семью ждёт что-то ужасное.

Нет, я старалась не думать об этом, но мысли то и дело приводили к тому, что я вновь в инвалидной коляске, малыш болен, и мы постоянно в больнице, я постоянно лежу.

Ужас! Но это коварство и кошмар каждую минуту лезли в голову, занимая там приличное место.

Только вот... в моей голове стали возникать не только мысли, что будет, если оставить малыша, но и мысли об аборте. Чаще всего они возникают, когда я сижу с близняшками. Разве могу я так рисковать девочками?

Они могут потерять маму, если я сделаю неправильный выбор. Это будет эгоистично выбрать другого ребёнка, наплевав на Асю и Тасю. Их мечты о здоровой матери.

Я не могу оставить крох, которые меня так любят, только из-за желания родить ещё одного малыша.

Может быть, и правда, сделать аборт? У нас с Адамом есть девочки, а захотим ещё одного ребёнка — есть детские дома, дом малютки и не только.

И я уже даже собиралась позвонить Илоне и сообщить своё решение, но... всё рухнуло в тот момент, когда я случайно нашла папку с документами близняшек, которых считала своими родными. Пыталась найти свои документы, а нашла их.

Даже не понимаю сейчас, рада ли я, что нашла их или нет.

— Почему ты мне сразу не сказал, что Тася и Ася не мои родные дети? — спрашиваю Адама, ворвавшись в его кабинет без стука.

Подхожу и кидаю ему свидетельства о рождении, в которых в графе мать стоит чужое имя. Не моё. Совершенно незнакомое.

— Это что-то меняет? — обжигает ледяным взглядом.

Он явно недоволен моей находкой.

Закрывает крышку ноутбука и встаёт со своего рабочего места. Адам не любит, когда его прерывают во время работы. Входят в его пространство без стука. И начинают с крика.

Сейчас я сделала всё, что он не любит. Знаю. Осознаю. Но мне плевать. Я жду ответов.

— Нет, не меняет... но... ты обманул меня, сказав, что близняшки наши с тобой дочери...

— Я, — делает шаг ко мне. Свидетельства летят в сторону. — Тебя, — его рука на моей талии. — Не, — жаркое дыхание опалает шею. — Обманывал, — поднимает взгляд. — Ты мать моих детей.

— Нет... — мотаю головой. — Их мать какая-то Ульяна Зверева. Не я! Кто эта Ульяна Зверева, Адам? Что за шутки?! — кричу, игнорируя его попытки быть спокойным.

— Ульяна — девушка, которая подарила мне ту картину, — отвечает, заставляя забыть, как дышать.

Опять она! Я смирилась с тем, что её картина висит в нашем доме на самом видном месте. Свыклась даже с тем, что Адам часто сидит перед ней с бутылкой вина и разглядывает. Ещё надо мной издевается и спрашивает, что мне нравится в этой картине. А мне так и хочется прокричать, что НИЧЕГО!

Мне она не нравится! Потому что я ревную его к этой нарисованной девушке! Ревную к его давно погибшей девушке!

И получается матери его детей...

— Зачем ты меня обманул? Зачем воспользовался тем, что я ничего не помню? — от обиды вопросы сами по себе вылетают из моего рта. — Чем я заслужила такое? Быть обманутой тобой?

— Я тебе не врал, — повторяет Адам, за что немедленно получается пощёчину. — Лишь сказал, что у нас с тобой две дочери. О том, что их родила ты, речи не было. А дальше я просто не убеждал тебя в обратном. Мне нравилось, как вы общаетесь. Вы любите друг друга. Прекрати истерику! Я собирался тебе сказать об этом позже!

— Ты понимаешь, что я чуть не сделала аборт? — не прекращаю напирать и доказывать, что неправ. — Не избавилась от единственного родного мне человека. От собственного ребёнка! От маленькой крохи, которая была бы на меня похожа! Чуть не лишила себя возможности когда-нибудь его иметь. Ради чужих детей! Я приняла это решение, чтобы не оставлять Тасю и Асю без здоровой матери.

— Прошу, успокойся, — он пытается обнять меня, прижать к себе и впитать истерику рубашкой, но я не даюсь. Мне надоело быть ему удобной и всё понимающей. Терпеливо ждущей ответы. — Тебе нельзя нервничать

— Не делай вид, что тебе есть дело до нашего ребёнка! Ты монстр, Адам Мюллер!

— Мне до него есть дело! — не сдерживается и начинает кричать уже Адам. — Ради него я собираюсь сделать то, на что никогда раньше бы не пошёл!

— О чём ты?!

— Позже узнаешь, — как всегда обещает.

— Сейчас! Я хочу знать всё сейчас! В эту минуту! Мне надоели твои секреты, вечные «потом»! Я имею право знать обо всём!

Выгляжу, наверное, сейчас как самая настоящая ненормальная. Истеришка. Сумасшедшая. Но мне правда надоело понимать и прощать его.

— Господин Мюллер, к вашей супруге пришла тётя. Впустить? — доносится из рации на столе мужа.

— Нет! — грубо отвечает Адам охране, взяв рацию в руки. — Скажите, чтобы проваливала и больше не приходила.

— Да! — выхватываю рацию из его рук, на зло ему начав кричать. — Пусть заходит! — отдаю рацию злому Адаму и спешу вниз к родному человеку, который пришёл меня навестить.

К тому, кто поймёт меня и поддержит!

Мне сейчас это очень нужно.

Человек, который со мной честен и не врёт...

Но если бы я тогда знала, что всё вокруг меня обман. Никогда бы не открывала этот чёрный ящик тайн собственной семьи.

Гнилой...

Дырявый...

Противный...
Вонючий...
Полный дерьма...
Лжи...
И предательства...

Глава 7

— Открой дверь, — команду мужчине из службы безопасности моего мужа, который не разрешает мне выйти за пределы дома. Стоит статуей и смотрит вдаль. Тупой остолоп, преданный Адаму. Без его «гав» и дышать сам боится. — Сейчас же! Открой эту чёртову дверь!

Дёргаю ручку калитки, но без разблокировки с пульта её не открыть. А пульт в руках этого остолопа. Трясу калитку, но она не поддаётся. Специально действую на нервы охраннику, но его не прошибёшь.

Так и хочется всю свою истерику и злость на него перекинуть.

— Открой, — звучит за моей спиной властный голос Адама и мужчина тут же спешит выполнить приказ хозяина. — У тебя три минуты, пчёлка, на общение с родственницей. После чего ты заходишь домой и успокаиваешься.

— Конечно, — саркастично кидаю и выхожу за ворота, послав мужу недвусмысленный сигнал о том, куда ему пойти. Слышу, как позади смеётся Адам, чётко поняв меня.

Ну и прекрасно! Пусть знает, что мне надоело быть примерной женой.

Прохожу к тёте, которая сразу же кидается мне в объятия. Словно мы десять лет не виделись. А на самом деле дней пять-семь.

Ощупывает, обнимает, что-то шепчет.

— Ты вышла, родная! Они меня пускать не хотели, — жалуется, указывая на охрану и того самого остолопа. Те лишь фыркнули на её жалобы. — Что случилось? Почему?

— Адам им запретил, — рассказываю я тёте, показывая на своего мужа, который остановился неподалёку и сверлит нас с тётёй тяжёлым взглядом. — Мы поссорились.

— Ты плакала? — обеспокоенно интересуется, заметив красное лицо. — О нет! Не надо плакать! Мы всё равно встретились! Или это не из-за меня? — задаёт вопрос, а сама смотрит на моего супруга.

С чего бы это? Раньше она его всегда хвалила и говорила, что у меня прекрасный муж.

— Просто... тётя, — начинаю, решив не скрывать ничего от неё. Пусть знает, как меня Адам водил за нос. — Он меня обманывал всё это время! Я ему верила. Я его любила! И сейчас люблю. А он меня обманул! И если бы я не нашла документы.

— Что он сделал?!

— Близняшки... не мои! Не мои родные дети! — бросаю, и в этот момент меня озаряет неожиданная догадка: «Она об этом знает». Я столько ей о них рассказывала, а она даже не заикнулась. Хотя... возможно, она не думала, что я считаю их родными.

— Ах... ты об этом... — подтверждает мою предыдущую догадку.

— Ты знала? И не говорила мне?

— Прости, — тётя пожимает плечами, виновато опустив взгляд на несколько секунд. — Адам сказал, что так будет лучше.

— Три минуты вышло, — оповещает нас мой супруг и, подойдя, дотрагивается до моего плеча. — Иди в дом. А вам, Тамара, пора...

— Нет! Не хочу! — грубо скидываю его руку со своего плеча, дёрнув им.

— Иди в дом, — повторяет, пытаясь сохранить спокойствие и ситуацию под своим контролем. — Тамара, до свидания.

— Я пойду сейчас только вместе с тётёй, — упрямо заявляю, обернувшись к нему. — Я хочу побыть немного с тётёй.

— Нет!

— Юля, почему он командует тобой? Что происходит? — вмешивается в нашу перепалку тётя.

— Потому что она моя жена и я несу за неё ответственность, — напряжённо проговаривает муж, смотря на сестру моего отца убийственным взглядом. Взглядом, которым он говорит намного больше, чем просто отвечает на вопрос. — Я защищаю её от всего. От всех угроз для неё, её здоровья и нашего ребёнка.

С минуту они сверлят друг друга. Борются за что-то непонятное мне. И кажется, Адам выигрывает.

Ещё бы. Он упрямый, непробиваемый обманщик.

Бесит! Раздражает! Убить хочется! Но, чёрт, люблю!

— Это правда, что ты беременна, — тётя бросает на меня болезненный взгляд. — Мне позвонили из клиники и сказали, что ты забрала документы и перевелась в другую, потому что ждёшь ребёнка. Я сразу же приехала. Чтобы поздравить.

— Пчёлка, иди в дом, — мягче, но настойчивее просит Адам. — Мне нужно поговорить с твоей тётей. Наедине

— О чём? — тут же интересуюсь. Хочу, наконец, знать всё. — Пусть войдёт и мы все вместе поговорим, — предлагаю, но моя идея мужу совсем не нравится.

— У нас есть одно общее дело, пчёлка. Его нужно обсудить без свидетелей.

— Она никуда не пойдёт, — тётя заговаривает тоном, которого я раньше у неё не слышала. Покрепче хватает меня за руку и тянет на себя.

Щелчок затвора пистолета звучит за моей спиной и я оборачиваюсь, замечая в руках мужа оружие. Пистолет, направленный в пол, но всё же он представляет для нас угрозу.

Ладно, не для меня. Но для тёти точно.

— Ты меня пугаешь, — произношу дрожащим голосом, испуганно глядя на Адама. — Я не оставлю тебя с ней наедине. Тем более после этого. З-зачем ты взял оружие, Адам?

— Юля, поехали ко мне? — предлагает тётя, зло смотря на мужчину, которого я люблю. — Твой муж сошёл с ума. Девочка моя, поехали со мной! У меня большой дом...

— Она никуда не поедет! — обрывает её Мюллер.

— Адам, убери пистолет, — прошу мужа, аккуратно дотрагиваясь до него. Видела такое в фильмах.

Знаю, что нужно вести себя аккуратно и не провоцировать вооружённого, только муж слишком легко мне поддается.

— Хорошо. Отнеси его в дом, — сдаётся он мне и отдаёт пистолет в мои руки. Всё ещё подозревая что-то неладное, тихонько забираю оружие из его руки.

— Ты...

— Унеси оружие в дом, пчёлка, если боишься, что я им наврежу твоей тёте.

— Хорошо, — соглашаюсь и вместе с пистолетом иду в дом.

Понимаю, что это была уловка и меня больше никто не выпустит. Тётю я больше не увижу. Но так безопаснее для всех. Адам не станет угрожать тёте. Возможно, в грубой манере попросит не появляться больше здесь. Но почему?

Из-за того, что я теперь знаю про близняшек? Или потому, что тётя пыталась помочь?

— Не смей, щенок, со мной тягаться! Ты забыл, кто я?! Забыл?! Я напомню... — слышу последнее, прежде чем ворота закрываются. Хочу остаться, чтобы дальше подслушать, но охрана мягко меня отводит от ворот.

— Поспешите в дом, госпожа Мюллер. Скоро дождь начнётся, — проговаривает тот самый безмолвный телохранитель.

— Ах, какой ты заботливый! — язвлю и спешу в дом.

Здесь мне подслушать не дадут, а вот с окна я хоть что-то смогу разглядеть.

Зайдя в дом, тут же бегу к окну, выходящему на эту сторону, и ужасаюсь в тот момент, когда вижу, как тётя и Адам садятся в машину. Притом тётя делает это нехотя. А ещё... у Адама за поясом ещё один пистолет.

Кидаю взгляд на тот, что у меня в руке и понимаю в чём подвох.

— Ах ты, зажигалка! — зло шепчу, нажимая на спуск, выпуская огонь. — Ну, я тебе устрою! Но вначале я разберусь со всем!

Ладно, у Адама есть пистолет, но он его не использует. Я и раньше его видела у него на поясе, и он никогда им не пользовался. Как он однажды мне сказал, для обороны. Охрана не всегда вовремя может поспеть.

Я уверена, что Мюллер не причинит моей тёте вреда. Он не такой! Грубый, иногда злой, но справедливый и честный.

Но что, чёрт возьми, происходит?

Кто такая Ульяна Зверева?

Почему Адам мне не сказал, что девочки её дочери?

Почему девочки никогда не говорили о своей настоящей матери? Или они не знают...

Столько вопросов и ни одного ответа. Пора бы уже самой их добывать. И начну я с близняшек.

— Малышки, — ослепляю их улыбкой, войдя в их комнату. — Чем занимаетесь?

— Мы рисуем, — откликается Ася, единственная подняв на меня улыбчивый взгляд. Тася же, как и её отец, когда увлечена редко отвлекается. — Хочешь с нами, мамочка?

— Хочу, — отвечаю, не зная, как бы их деликатно обо всём расспросить. О маме, обо мне и об их отце.

Если честно, как дико воспринимается информация, что эти девочки мне никто. Да, формально они мои падчерицы и если называют меня «мамочкой», «мамусей» и мы так друг друга любим — то нет разницы, родные мы друг другу или нет.

Обижает лишь факт того, что мне раньше никто об этом не сказал. Особенно Адам. Разве нельзя было мягко мне об этом сообщить? Намекнуть?

Злая я сейчас, но понимаю, что не очень и сильно обижена на Адама. Не так, чтобы уйти от него и подать на развод.

Может быть, у него правда были причины молчать об этом? Не мог найти подходящий момент? Или ещё что-то... В общем, уходить я от него не собираюсь. Но нервы потреплю. Вначале за обман, потом за грубость с тётёй и вообще за поведение с родственницей, пришедшей навестить меня.

Прохожу к детскому столу и, приняв из рук близняшек карандаши и лист бумаги, начинаю рисовать. Круги, треугольники и квадраты. Линии. Рисую, лишь бы сидеть с девочками.

— А что ты рисуешь? — спрашивает Тася, заглядывая в мой лист. — Белиберду какую-то, — умно заключает, закатив глаза. — Мы такое в три года рисовали. А ты большая. Надо что-то другое. Красивое. И со смыслом. Если не умеешь, то попроси нас, и мы тебя научим. Хоть принцесс рисовать будешь уметь. А потом практика, практика. И научишься, как мы рисовать. Будешь настоящей художницей.

— Хорошо, — киваю, но просьба об обучении не озвучиваю. Вместо этого придумываю, как расспросить девочек о том, что они знают. — Девочки, вы ведь знаете, что я мало о чём помню из своей прошлой жизни. Можете мне помочь вспомнить? Хоть что-то?

— Конечно, — тут же отзываются близняшки, и я благодарно вздыхаю.

— Что вы знаете обо мне? — интересуюсь у них.

— Ну... ты наша мамуся, — начинает Тася, отложив рисование в сторону. — Ты папина жена. Наш лучший друг. У тебя красивые волосы, и раньше ты красиво красилась. Сейчас у тебя уже не очень получается. Ты вообще, кажется, всё забыла...

— Папина жена? Давно? — медленно подхожу к главному.

— Недолго, — хмурится Тася, вспоминая. — Но он тебя очень любит. Сейчас. Раньше не очень любил и вы даже ссорились. Сильно очень. Потом помирились, а потом опять ссори-

лись. Вы как из мультика про кота и мышку были, — со смехом рассказывает, а меня её слова шокируют.

Как это? Мы с Адамом недолго?

Надо найти свидетельство о заключении брака.

— Да? А если я папина жена недолго, то как я ваша «мамуся»? — контрольный вопрос. Возможно, в силу возраста, они не ответят мне, но я давно поняла, что Ася и Тася умные девочки. У них на всё есть объяснение.

— Ну... ты наша вторая мамуся, — отвечает опять же старшая близняшка. — Наша настоящая мама... она... — девочка осекается, опустив взгляд вниз. Затем резко поднимает его вверх на меня и с улыбкой продолжает. — Ты наша любимая мамуся. Так ведь, Ася?

— Мне нельзя об этом говорить, — неожиданно резко отвечает вторая близняшка. — Папа не разрешает мне об этом говорить. Нельзя! — показывает рот на замке.

— Что? — не понимаю я, как, впрочем, и Тася.

— У нас с папой есть тайна, — рассказывает Ася. — И мне нельзя о ней кому-то рассказывать, но я тебя всё равно очень люблю, — подойдя, она целует меня в щёчку. — Очень-очень сильно. Но мне никому нельзя рассказывать секрет и разговаривать об этом. Поэтому я не буду тебе отвечать. Мне нельзя!

— У вас с папой есть тайна? — обиженно задаёт вопрос Тася. — Без меня тайна? Почему? Почему мне нельзя с вами тайну? Я тоже хочу с вами знать тайну! — на глазах малышки возникают слёзы. — Почему папа и мне тайну не сказал? А ты почему мне не рассказываешь тайну?

— Потому что я папе обещала, — серьёзно отвечает сестре Ася. — А ты знаешь, что папино слово закон. Когда папа разрешит, я тебе всё расскажу.

— Вы тут? — спрашивает Адам, появившись в детской комнате.

Тася, обиженная на отца и сестру, демонстративно встаёт и идёт в кровать. Я бы тоже так сделала, но вторая кровать на втором ярусе, и она... маловата для меня. Да и по лестнице тяжело забраться. Пусть я уже и хожу без палочки, но на такие подвиги ещё не способна.

Тем временем Адам проходит внутрь детской и останавливается рядом со мной. Опускается на пол и, взяв карандаш из моей руки, начинает к моим фигуркам пририсовывать ножки, ручки и мордочки.

Кажется, способность к рисованию у девочек от мамы.

— Тебя долго не было, — произношу, злая на него из-за его выходки с тётей. — Где моя тётя?

— Я отвёз Тамару домой и поехал по делам, — отвечает, продолжая творить «шедевр». — Ты можешь ей позвонить, и она это подтвердит, — добавляет, закатив глаза от моей недоверчивости.

— По каким делам ты ездил? — продолжаю расспрос, как ревнивая жёнушка.

— Сюрприз тебе готовил, — кривляется к улыбке, а затем корчит Асе мордочку, заставляя её улыбнуться.

— Какой? Ещё одного ребёнка, которого бы назвал моим?... — бросаю взгляд на подслушивающих нас с Адамом девочек. — Да?

— Ага, — кивает на полном серьёзе. — Ася, Тася, а вы знаете, что у вас скоро будет братик или сестричка?

— У нас?! — восклицают в голос девочки. Тася даже встаёт с кровати от этой новости.

— Ага, — кивает муж, поднеся руку к моему животу. — Очень скоро! Наша мама беременна!

— Ты... — начинаю, взглянув на Адама.

— Да, мы попытаемся выносить малыша, — муж притягивает меня в свои объятия, заставляя забыть обо всём. О том, что он меня обманывал. О том, что запрещает мне общаться

с тётей. И о том, как груб был с ней сегодня. — Но завтра утром нам надо будет съездить к ещё одному врачу. Он будет вместе с Илоной вести всю твою беременность.

— Ты это серьёзно?! Мы оставим малыша, и ты совсем не против?

— Да, — его губы касаются моего виска. — С того момента, как ты рассказала мне то, что тебе сказала Илона, я начал думать, что нам делать, и решил. Я понял, что не хочу, чтобы ты делала аборт и лишала нас шанса на ещё одного малыша. Я сам виноват, что беременность произошла так рано. Илона говорит, что через год проблем с вынашиванием не было бы.

— А нам тоже можно обнять вас с Юлей? — смущённо спрашивает Тася, и мы с Адамом одновременно киваем. — Надеюсь, у меня родится ещё одна сестра, и у неё от меня не будет секретов, — бурчит девочка, вызвав недоуменный взгляд отца. Но никто ему пояснять ничего не стал.

У нас тоже теперь с девочками есть секреты. Не только же ему хранить свои тайны.

А Асю надо разговорить и узнать, что там за секрет у неё.

Глава 8

— Кажется, наш поход к врачу откладывается на неопределённый срок, — со вздохом произношу, поправляя на себе одежду.

На подъездной дороге к дому, после разрешения Адама, появляются мои родители. До этого они долго пытались связаться с моим мужем и навестить нас. Сейчас они выглядят обеспокоенно и чем-то явно недовольны.

Хотя тоже была бы недовольна, если бы меня в течение двадцати минут заставили ждать у ворот.

Но что поделать, если хозяин дома был так занят своей женой, что плевать ему было на говорящую рацию, гостей и даже мои просьбы связаться с охраной.

Мы с Адамом помирились, но объяснять ситуацию с матерью девочек он не захотел. Сказал, что расскажет позже, если сама не вспомню. Злюсь на него из-за этого жутко, но его копащая морда каждый раз заставляет меня смириться и не гневаться на него.

Хочется даже назло ему собрать свои вещи и уехать, но разве он отпустит? Из-под земли достанет и в свою берлогу затащит.

Да и отчего-то верить ему хочется.

— Нас в клинике ждут в течение суток, — говорит Адам, спешно накидывая на себя одежду. — Поедем позже туда. Хотел пораньше, чтобы после поехать куда-нибудь вдвоём погулять. Отдохнуть от всех. Понимаю, что девочки тоже наша компания, но иногда нужно и вдвоём время проводить. Советы моей мамы. Умная женщина. Вам надо с ней поближе познакомиться, кстати.

— Так познакомь, — безразлично кидаю. — Пора бы уже. Я её даже не помню.

— Вы и не были никогда знакомы прежде, — отвечает, оставляя меня в сомнениях.

Как мать не могла быть на свадьбе собственного сына? Или она против меня была тогда?

Но погулять и тем более поехать в клинику нам сегодня не суждено. Новость, с которой посетили нас родители, оказалась шокирующей, пугающей, неожиданной и очень грустной.

— Мама, папа, — по очереди их обнимаю, после чего приглашаю в гостиную, куда они спешат, разглядывая интерьер. — Почему вы такие грустные? Что случилось?

— Ох, Юленька, — начинает папа первым, сев на кресло. — Горе в нашей семье. Моя Тamarочка. Твоя тётя... Кровинushка моя... Моя любимая сестра... Умерла!

— Что?! — тяну, не веря в слова отца. — Как умерла? Когда?

Кидаю взгляд на Адама и не замечаю у него на лице ни единой эмоции. Ни потрясения, ни удивления, ни тем более сочувствия. Ему словно наплевать на известие о смерти моей тётки и ничего иного он не ожидал.

— Горничная утром пришла убираться, а она на полу, — тем временем рассказывает отец. — Убили её. Выстрел в голову. Идёт следствие.

О господи!

О нет!

Быть этого не может!

А в груди словно дыру прожгли.

Или вскрыли живот, забрали кусок чего-то очень важного и зашили брюхо обратно. Наживую. Без обезболивающего. Гнилыми нитками, причиняющими боль в два раза сильнее, чем недостающий кусок. Ржавой и тупой иглой, которой приходилось колоть по несколько раз в одно место, пока не проткнёшь тугую кожу.

Рука Адама медленно оказывается у меня на плече, прижимая к себе. Оказывает поддержку? Понимает, что для меня это сложно и больно? Или просто пытается отгородить меня от родителя, который отчего-то потянулся ко мне. И попытался дотронуться до моей руки.

— Она вчера приходила к нам, — говорю маме с папой, чувствуя слёзы на щеках. — Как это... умерла? Я же... вчера её видела. Говорила с ней. И... она была живее всех живых.

— Именно так, детка, — маме всё же удаётся схватить меня за руку и сжать её. Только от её прикосновения противно. Словно чужой человек дотронулся. — Смерть приходит незаметно. Она явно не заслуживала такой варварской кончины. Твоей тёти больше нет.

— Боже... — шепчу, не сдерживая слёзы. Имею право. Я потеряла родного человека. — У следствия есть подозрения? Кто это может быть? Кто убил её? — грубо утираю слёзы, но тут же чувствую, как Адам нежнее стирает их салфеткой.

— Нет, — отвечает родительница. — Они только начали разбирательство.

— У твоей тёти не было врагов, пчёлка, — заговаривает Адам, удивив этим не только меня, но и моих маму и папу. — И конкурентов у неё не было. Её могли убить лишь по одной причине. Кто-то хотел, чтобы она молчала. Случайно никому не поведала чужие тайны, — последнее он произносит, по очереди взглянув на моих родителей.

— Ты что-то знаешь? — интересуется папа, испуганно взглянув на моего мужа.

— Я лишь рассуждаю, — ослепляет их неуместной улыбкой. — Ничего такого, Фёдор. Лишь мои мысли и догадки.

Дальше разговор заходит о том, какой прекрасной была моя тётя. Папа и мама начали рассказывать истории из их жизни. А я, хоть и не помнила её так, как они, впитывала каждый рассказ. И... мне казалось здесь от её смерти горюю лишь я.

Родители лишь делают вид, что им есть дело до неё. Адам поддерживает меня и не оставляет одну ни на секунду. Сейчас я, кажется, понимаю, что имел в виду муж, когда однажды сказал, что моим родителям важнее деньги и их бизнес.

— Как это всё некстати, — выдыхает неожиданно отец. — У меня бизнес поплыл. Сестра умерла... что же будет дальше. Боюсь, даже похоронами заняться не смогу. Все деньги на суды уходят.

— Что с бизнесом? — спрашивает его Адам, а его рука на моём плече напрягается. Еле заметно, но я чувствую.

— Все отказываются с нами сотрудничать после скандала на одном из заводов. Клиентам пришёл плохой товар, от которого они отравились. Судятся теперь с нами... Адам, ты не мог бы помочь мне? Там...

— Нет! Не могу, — обрывает его мой муж. — Это ваши проблемы, что у вас плохой товар. Я не собираюсь портить свою репутацию.

— Но... ты часть нашей семьи, — вмешивается мама, но замолкает, когда Адам зло зыркает на неё и отвечает:

— Нет! — его голос звучит жёстко и непоколебимо. — Ваша дочь — часть моей семьи. Вы же с мужем — чужие мне люди. Гости в моём доме, которых я принимаю, лишь бы не расстраивать свою супругу. Раньше времени.

— О чём ты? — тянет папа.

— Ни о чём, — также серьёзно продолжает Адам. — Мои соболезнования, Фёдор. Смерть вашей сестры для меня тоже потеря. Мы были довольно близки и в доверительных отношениях. Таких, что секретов у нас не было. Я был привязан к ней и уважал эту женщину почти как свою мать. Ещё раз мои соболезнования. А теперь я прошу вас покинуть мой дом. Моей супруге нужно побыть одной и успокоиться. Принять происходящее. Для неё это сильный удар. О похоронах можете не переживать. Я всё возьму на себя. Счета и организацию.

— Я... — начинает что-то папа, но Адам не даёт ему и слова сказать.

— Да, вы правильно меня поняли. А теперь уходите! С бизнесом я вам не помогу! — проговаривает и тут же вызывает охрану.

— Зачем ты так с ними? — шепчу, обнимая Адама. Прячусь в его объятиях от реального мира и тех чувств, которые поселились во мне после известия о смерти тёти.

Родители под конвоем охраны ушли и теперь я могу выпустить свои эмоции наружу. Перед ними было это слегка некомфортно. Пусть я плакала, но настоящую боль видит лишь Адам.

Муж всё это время обнимает меня, успокаивает и просит не нервничать. Использует уже даже нашего ребёнка. Говорит, что если я хочу здорового малыша, то мне нужно взять себя в руки. Он понимает меня и обещает во всём разобраться, но сейчас мне нужно быть сильной. Ради себя и малыша.

А мне на самом деле очень больно от всего этого. Словно дыра в груди поглощает всё внутри меня.

Близняшки приходили и долго пытались успокоить, но даже им не удалось.

Не понимаю, что со мной. Может, это беременность так на меня влияет, усиливая эмоции?

— Забудь о них, — просит Адам, говоря о моих родителях. — Им плевать на её смерть.

— Не говори так! Они переживают по-своему!

— Я говорю то, что есть на самом деле, пчёлка, — мягко произносит и я в глубине души согласна с ним. — Они сюда пришли, чтобы просто надавить на жалость мне. Твой отец уже несколько недель обивает мои пороги и просит помощи с судами. И даже смерть своей сестры он использует в свою пользу. Поверь, я знаю, что говорю.

— Ладно, — сдаюсь. Сил спорить и облагораживать родителей нет. Возможно, он прав, а я слепо верю в них. — Её больше нет, Адам... Я не могу поверить... Знаешь, я почти её не помню, но... кажется, что сегодня потеряла кого-то очень важного в своей жизни. Это так ужасно на самом деле.

— Я понимаю тебя, — муж крепче обнимает меня. — Мне очень жаль, что тебе приходится это всё переживать сейчас. Всё образуеться со временем, пчёлка. Обязательно!

— Надо было её вчера впустить к нам, — говорю то, что крутится у меня в голове уже несколько часов. — Оставить переночевать и этого бы не случилось!

— Её бы убили в другой день.

— Кто её убил, Адам?! — не выдерживаю. — Зачем? Она ведь была хорошим человеком. С непростой судьбой, да. Но ведь ничего плохого она никому не делала. Так ведь?!

— Я принесу тебе таблетку, — произносит, намеренно не отвечая на мой вопрос. — Тебе нужно поспать.

— Я не хочу спать, Адам! Я хочу знать кому понадобилось её убивать! — кричу на эмоциях.

— Надо! — муж не уступает и придерживается моего тона, но с каплей настойчивости. — Ты хочешь здорового малыша? Или малышку? Поверь, твоя тётя этого бы хотела. Чтобы с тобой всё было хорошо. И с твоим малышом тоже.

— Адам, прекрати! — восклицаю, решив самой разобраться в ситуации. Завтра же найму детектива. Отчего-то следствию я не доверяю. — Ты сказал, что знал её? Откуда? Что вы были друзьями, и ты уважал её. Адам, откуда?!

— Это долгая история, — он отводит глаза в сторону. — Долгая, тяжёлая и не сейчас... Я отнесу тебя в спальню. Поспишь немного.

— Я не хочу спать, Адам! Не смогу уснуть! Расскажи, прошу!

— Не сегодня, пчёлка. Вначале ты придёшь в себя, а затем я тебе поведаю все свои догадки на этот счёт. Договорились? Поспишь и я тебе расскажу обо всём. Согласна? Теперь уже нет смысла скрывать всё от тебя... Игра закончилась на самой печальной ноте.

— Хорошо, — соглашаюсь, доверившись мужу. Он обещал мне всё рассказать. — Ты прав... мне стоит успокоиться... Прийти в себя. На эмоциях натворю глупости и потом буду жалеть.

— Верно, пчёлка, — кивает и целует в висок. — Я тебя уложу, а потом займусь своими делами...

— Нет... — хватаю его за руку. — Будь со мной. Не уходи! Мне страшно!

— Хорошо.

Взяв меня на руки, муж уносит меня в спальню. Аккуратно кладёт на кровать и сам ложится рядом. Долго гладит по голове, пытаюсь унять очередную истерику.

Почему так? Почему я страдаю по ней? Да, она моя родственница, но мне кажется, случись такое с родителями, я бы не страдала.

Может, потому, что чувствую в тёте какую-то особенную близость? Судя по нашим старым перепискам, которые я не так давно начала читать — она меня любит. Поддерживает во всём. И всегда поддерживала.

Она была рядом, когда я влюблялась. И каждое моё выступление, после своего переезда обратно, она посещала.

Я её любила...

Да... она была и будет мне близка всегда.

— Господин Мюллер, — рация вновь заговаривает, и я вслушиваюсь.

Адам решил, что я уснула, потому что больше не плачу. А я просто лежу с закрытыми глазами и вспоминаю те мгновения, когда она была рядом. И вспоминаю намного больше. То, что было между нами в прошлом... Грудь наполняется теплом и любовью.

Она меня и правда любила.

— Что там? — тихо интересуется Адам в рацию, стараясь меня не разбудить. — Родители опять? Пусть уходят!

— Нет. Здесь полиция, — отвечают на том конце и Адам напрягается. Как и я.

Забываю дышать. Пытаюсь понять, зачем они наведались к нам.

— Что? Сейчас подойду, — отзывается мой муж и, поцеловав меня в висок, встаёт с кровати. Надевает чистую футболку и выходит из комнаты.

Пару секунд продолжаю лежать, чтобы унять головокружение и слабость. Затем, пересилив себя, встаю. Иду в ванную, умываюсь, привожу себя более-менее в порядок и выхожу из комнаты.

И чуть ли не падаю, когда до меня доносится:

— ... Господин Мюллер, вы задержаны по подозрению в убийстве Тамары Комаровой, — произносит грубоватый мужской голос.

— Что? — шепчу и иду на звук.

— На месте преступления был найден ваш пистолет, — продолжает мужчина.

— Чёрт! — чертыхается Адам. — *****! Чёрт! — пропускает воздух через зубы и закрывает лицо руками.

— Адам, что это значит? — заговариваю, встав позади мужа. Мой голос дрожит, и я не верю, что такое могло случиться.

Но... вчера он повёз мою тётю домой. У него был пистолет. А я так и не позвонила вчера тёте, чтобы спросить, как она добралась.

Вдруг Адам мне врал?

Но зачем ему её убивать? В чём смысл? Причина?

— Всё в порядке, пчёлка, — муж разворачивается ко мне с вымученной улыбкой. — У меня небольшие проблемы. Позаботься о девочках! Помни, ты их мама и их у тебя никто не отнимет! Прошу тебя! Не оставляй их, несмотря ни на что, — говорит мне, а затем оборачивается к полицейскому. — Я могу обнять жену на прощание?

— Не положено.

— Я при вас, — проигнорировав следователя, он подходит ко мне, обнимает и якобы целует, но вместо этого шепчет: — Если будут проблемы, у Аси есть номер, по которому можно позвонить и вам помогут. Там помогут всегда и со всем. Обещай мне, что не оставишь близняшек, — киваю и он, наконец, коротко целует.

Молча наблюдаю за тем, как моего мужа уводят в наручниках. Он подозревается в убийстве моей тёти...

Абсурд!

Теперь я точно ничего не понимаю!

Падаю на диван и в голове проносится воспоминание вчерашнего нашего с мужем разговора:

«— Не делай вид, что тебе есть дело до нашего ребёнка! Ты монстр, Адам Мюллер!

— Мне до него есть дело! — не сдерживается и начинает кричать уже Адам. — Ради него я собираюсь сделать то, на что никогда раньше бы не пошёл!

— О чём ты?!

— Позже узнаёшь, — как всегда обещает...».

А что, если именно это он и собирался сделать? Но... причём тогда наш ребёнок?

Тайны! Тайны! Тайны!

Как же я устала от того, что ничего не знаю и ничего не понимаю!

Глава 9

Со дня ареста Адама проходит неделя. Наш дом перевернули полностью, но то, что полицейские ищут, они не находят.

Охрана и другие верные люди моего мужа сразу же вывезли из дома какие-то коробки. Думаю, в них и было что-то важное. Но заглядывать я не стала. В тот момент я думала о том, что всё же происходит. Почему именно Адама обвиняют в убийстве моей тёти.

По новостям почти каждый час крутят новость о том, что влиятельный бизнесмен обвиняется в убийстве. Добавляют новые подробности, иногда лживые, но люди едят это с таким интересом, что ложных новостей всё больше и больше. Даже не знаешь, чему верить сейчас.

Пресса не покидает порог нашего дома, жаждающая разузнать новые подробности, которые ещё никто не знает. Доводят до истерики не только меня и девочек, но и прислугу.

Каждый обыск — это стресс для близняшек, поэтому я принимаю решение временно переехать к родителям. Там есть охрана и хоть на время нас не будут волновать обыски. И так уже трусы собственные не найдёшь.

На следующий день после ареста Адама нас навестили его родители, предложили свой кров, пока их сына нет, но... их я видела первый раз и не смогла полностью довериться.

Несколько лет назад господин Мюллер-старший передал дела своему сыну и вместе с супругой уехали за границу. Они даже на нашей свадьбе не были, как рассказывала мне недавно мама.

Поэтому переезд к моим родителям стал самым правильным решением. И самым безопасным. Для меня. Девочкам же здесь неуютно и плохо. Папа вечно бурчит на них, что громкие, непослушные и не слишком умные. Но дело в том, что на самом деле они умные и послушные. Единственное, чем они могут ему помешать, так это по утрам, когда я бужу их щекоткой, а они визжат. Веселятся со мной.

Мама тоже на них смотрит, словно я им навязываю малышей. Сразу ведь сказала, что перееду к ним только с близняшками. Пусть либо смирятся, либо сразу отказывают нам в приюте.

Неужели у меня такие противные родители?

Я чувствую, что малышам тут не очень, и они ощущают то же самое, поэтому не отходят от меня ни на шаг. И лишь сегодня, отправив их с няней, я решаюсь сделать то, что должна была сделать раньше.

Иду к мужу на свидание.

Хоть родители и твердят мне, что Адам виновен и именно он убил мою тётю, я не верю. Просто не верю. Да, думала об этом вначале, но... он не такой. Не смог бы он убить.

Да, Адам говорил, что убить за нас может, но он бы не стал...

Не мою тётю!

Адам хороший. Он любит меня. Девочек. И не причинил бы нам такую боль. И он знает, что смерть моей тёти обязательно бы причинила мне боль.

— Адам! — восклицаю, когда его в наручниках заводят в камеру для свиданий. — Адам!

Хочу кинуться ему на шею, обнять, но нельзя. Следователь разрешил нам свидание только при условии, что никаких касаний.

А ведь так хочется его коснуться. Почувствовать его кожу под пальцами.

Дурацкая тюрьма!

— Не реви, — строго приказывает муж и садится напротив меня. — Ну, не реви, пчёлка! — жалостно просит и тянет руку к моему лицу, но его тут же догоняет свисток следящего. Нехотя муж отдёргивает руку. — Всё хорошо! Жив! Здоров!

— Как всё хорошо?! — вскрикиваю. — Ты в тюрьме! Тебя обвиняют в убийстве!

— Всё будет хорошо! Скоро выпустят, — тихо говорит. — Прекрати нервничать! Думай о нашем малыше и близняшках!

— Что говорит следователь? — спрашиваю его, ведь мне он ничего не говорит. Как и адвокат, которого я наняла мужу.

— Прессует. Давит. Бесится, что я молчу, — закатывает глаза, рассказывает. — В общем, он счастлив работать со мной.

— А почему ты молчишь? — раздражённо задаю вопрос. — Скажи ему правду! Скажи, где ты был и тебя сразу же отпустят, — советую, но затем тише добавляю. — Если, конечно, это не ты убил...

— В этом и проблема, — Адам поджимает губы. — Я не могу ему сказать. Не сейчас. Они и так скоро всё поймут.

— Они нашли на месте преступления твой пистолет, — напоминаю и он кивает, разозлившись из-за этого.

— Да. Знаю. Все мы не идеальны, — вздыхает. — Я совершил ошибку. Теперь за неё расплачиваюсь.

— И... я говорила со следователем... — рассказываю дальше. — Он думает, что твой мотив в том, что моя тётя была любовницей твоего отца. Ты убил её, чтобы твои родители не развелись? Да?

— Нет, — отвечает, посмотрев на меня, как на сумасшедшую. — Это вообще бред, построенный на жёлтых газетёнках. Мои родители — идеальная пара. Папа никогда не изменял матери. Вместо этого они научились просто работать над отношениями. Твоя тётя не была любовницей моего отца. Никогда!

— А тогда какой у тебя мотив? — спрашиваю, взволнованно ожидая ответ.

— Мой мотив? — Адам вздёргивает бровь. — Пчёлка, посмотри на меня. Ты спрашиваешь меня, какой мой мотив убить твою тётю? Ты веришь в то, что её убил я?

— Я не знаю во что верить, Адам! — восклицаю. — В тот день она уехала с тобой! У тебя был пистолет! Она села в твою машину! Утром её находят мёртвой. А ещё этот наш разговор до того, как тётя пришла... Я не хочу в это верить! Но родители капают на мозг каждый день! Пресса! Следователи! Папа и мама каждый день...

— Что твои родители делают каждый день в нашем доме? — обрывает меня, придвинувшись вперёд. — Не верь ни единому их слову и вообще в дом не пускай!

— Мы с девочками переехали к ним, — признаюсь, как на духу, точно зная, что он будет злиться.

— ЧТО?!

— Мы переехали, — повторяю, виновато посмотрев на мужа. — Асю и Тасю пугали полицейские, которые ходили туда-сюда... Я решила переехать. Чтобы нам спокойнее было.

— Зачем?

— Говорю же, девочек пугали полицейские.

— Мои родители тебе предлагали переезд к ним, — начинает с обманчивым спокойствием. — Ты им отказала. У Аси был номер, по которому ты могла позвонить в случае проблем. Тогда какого чёрта ты попёрлась к этим мразям?!

— Не кричи на меня! Это мои родители!

— Это падаль, а не родители, пчёлка! — вскрикивает, вскочив в одну секунду. Его ноздри раздуваются от злости и ярости на мой поступок. — Свидание окончено! Собирайте вещи! Вы едете домой!

— Адам, ты убил мою тётю? — кидаю ему в спину, наблюдая, как ему вновь надевают наручники.

— А ты как думаешь? — спрашивает в ответ. — Как решишь, так оно и есть. Но это не меняет того факта, что ВЫ едете домой! Домой, пчёлка!

— Зачем ты притащила их с собой? — вновь ворчит отец, намекая на девочек, которые во время игры случайно опрокинули вазу с конфетами. Но ведь они сразу извинились, и всё сами убрали. Зачем столько ненависти в сторону моих крошек? — У них что, няньки нет? Может, их в интернат хороший определим, а? Юль? Я знаю один такой. Хороший очень!

— Они будут со мной, — упрямо заявляю, устав от разговоров отца, намекающих сплавить куда-то моих малышей. Да, моих! Пусть я им биологически никто, но эти крошки — МОИ ДОЧЕРИ. У нас даже носики похожи и разрез глаз. Но не взгляд. Если у Аси ещё можно найти мои нотки, то у Таси на сто процентов Адам. — А если они вам с мамой мешают, мы можем съехать. Сейчас же. Не будем вас нервировать. Родители Адама тоже предлагали нам погостить у них. И час назад звонили опять с этим предложением.

— Ну куда вы поедете, — ласково отговаривает меня мама, улыбнувшись мне, когда повернулась к ней. — С нами живите. Скоро малыш родится. Я помогать буду. А родители Адама чужие для тебя люди. Ты их совсем не знаешь. Вдруг они ещё хуже, чем мы, будут?

— Кстати, о малыше, — вовремя вспоминаю, взяв телефон в руки. — Мне нужно к своим врачам съездить. Проверить состояние.

— Юля, ну зачем тебе к тем врачам ездить? — хитро, словно лиса, начинает отец. — Они жутко дорогие, а у нас с мамой не так много денег после судебных разбирательств по заводу. Может, найдём врача дешевле, а... те деньги, что тебе Адам оставил, пустим в мой бизнес? Он потом будет нам помогать растить твоего малыша сыто, богато и... Да, нуждаться он ни в чём не будет, в конце концов.

— Я... — собираюсь отказать, потому что этого делать точно не намерена.

Мне нравится наблюдать у Илоны. Она внимательна к каждой мелочи и... как-то к ней у меня больше доверия. Не знаю почему. Бывают такие врачи, которые сразу к себе располагают. А деньги — не проблема. Как оказалось, всё, что принадлежит Адаму принадлежит Асе и Тасе, а я, как их опекун, владею сейчас всем. Бизнесом занимается заместитель моего мужа, а ещё мне помогает друг Адама — Максим.

Хороший мужчина. Тоже предлагал нам с девочками к нему и его жене переехать. И звонит каждый день, спрашивает, помощь нужна или нет.

Да... у Адама хорошие знакомые и друзья. Все помочь хотят. И тётя бы хотела... жаль, что её нет.

— Папа бы не разрешил, — вмешивается Тася, встав передо мной.

— Да! Вы злые и нехорошие! Папа таким не помогает, — поддерживает сестру Ася, а затем поворачивается ко мне. Берёт меня за руку и, заискивающе глядя в глаза, молит: — А давай мы уедем отсюда? Ты и мы с Тасей? Мы не хотим здесь больше жить! Твоя мама нас обижает!

— А твой папа говорит, что мы ненужные дети! — злится Тася, не сводя взгляда с главного обидчика. — Что мы беспризорники! У нас нет мамы и папы! И что скоро мы тебе надоедим, и ты отправишь нас навсегда в закрытую школу. И не будешь забирать! Никогда! А когда родится ваш с папой малыш, он будет самым главным. И мы будем папе не нужны! — жалуется, а затем начинает кричать. — Мы не беспризорники! У нас есть мама Юля, наша ещё одна мама и папа! Просто папа попал в беду! Но он скоро придёт и заберёт нас всех! Я ему на вас нажалуюсь, и он головы пооткручивает! А ещё у нас есть бабушка. И она из вас котлеты сделает! Пустит вас через мясорубку и ещё лука добавит! Вот! — выкрикивает и утирает слёзы. — Мы не одни!

— Пап, это правда? — спрашиваю отца, дождавшись, пока Тася выскажется.

Нет! Мы не останемся здесь! Сейчас же уедем! Вывести Тасю из себя... это очень постараться нужно. А довести до слёз.

Кажется, они и правда монстры!

— Кого ты слушаешь, Юля? — восклицает мужчина, которого я зову отцом. А каким он папой был мне? — Они просто наговаривают на меня! Дети, что с них взять, — безразлично пожимает плечами.

— Тася и Ася никогда не врут, — строго отмечаю. — Адам приучил их к этому...

— Брось, доченька! Кого ты послушаешь? Малявок или любимого папу? — он не сдаётся, пытается доказать, что девочки врут. Но... я верю близняшкам, а не ему.

Девочки любопытные и, возможно, могут что-то приукрасить, но врать они не будут. Сотни раз доказали.

— Я... — собираюсь сделать выбор в сторону девочек, но громкий хлопок двери обрывает меня.

Дверь в гостиную с грохотом открывается и в комнату входит Адам в сопровождении пяти своих людей. Тех самых, которые до этого стояли у дома и заботились о нашей безопасности в доме моих родителей.

На губах мужа сверкает ухмылка, а руках пистолет. Он зол. Он в ярости. Он агрессивен, как никогда раньше.

— Стоять, — командует близняшкам и те, кивнув, ждут. Говорю же, послушные. — Я вас немного подслушал, тесть, — намеренно растягивает слова и, обойдя моего отца сзади, опирается на спинку его кресла. — Детей моих обижаешь, — подносит пистолет к шее моего папы. Мама рядом со мной напрягается. Ей страшно. За себя или за мужа? А мне одновременно хочется кинуться ему на шею и... попросить не пугать близняшек. Только... они не испугались. С восторгом смотрят на своего папочку. Точно его дети. И ДНК-тест не нужен. — Нехорошо... совсем плохо обижать то, что моё. Я такое не люблю и не прощаю. Я за такое наказываю, — шепчет, пугая отца не на шутку. — Деньги мои нужны. Не дождёшься! Твой бизнес не спасти. Я постарался. Вместе с твоей любимой сестричкой. Ах, да... ты её ненавидел. Ты скоро будешь бездомным. В тюрьме. Я докажу, что это ты совершил убийство несколько лет назад. Вопрос лишь в том: за одно убийство ты будешь сидеть или за два?

Кадык отца дёргается от страха, что Адам может выстрелить. И он бы выстрелил, если бы не девочки. Таким я Адама вижу... хочу сказать впервые, но нет. Я уже видела его таким.

— Пчёлка, собирай девочек, — Адам отрывается от моего отца и отходит от него. — Мы едем домой. И сделай так, чтобы мы сюда больше не возвращались. Никогда...

— Ты вышел? Как? — спрашиваю, но встав, начинаю застёгивать на девочках кофточки.

Плевать! Ничего не буду забирать! Прямо сейчас уедем. Новые вещи купим! Свои любимые плюшевые игрушки девчонки всегда с собой носят. А больше и не надо.

— Алиби появилось, — отвечает, усевшись на моё место. Мать с ужасом вскочила и теперь стоит рядом с папой.

Моему мужу в данный момент жутко весело. Иначе бы смеялся он так?

— Какое алиби? — первым спрашивает папа.

— В этот день я встречался с одним человеком, и он подтвердил мои слова.

— Почему он раньше этого не сделал? — интересуюсь я, злясь на него. Я неделю беспокоилась. Жила без него. А у него, оказывается, алиби было!

Ну, я ему дома устрою!

— Я не хотел светить этого человека, — отвечает Мюллер, ласково посмотрев на меня. — Но наивность моей жены заставила меня поменять планы.

— Почему? Кто этот человек? — спрашиваю, встав и уперев руки в бока. — И я не наивная! Просто ты меня ни во что не посвящаешь! Кто. Этот. Человек?

— Я, — произносит мелодичный и весёлый голос со стороны входа в гостиную. — Узнаёте? Могу покрутиться, чтобы получше разглядели... — оборачиваюсь в сторону двери и застываю.

Я знаю этого человека. Я его уже видела... О боже...

Глава 10

— Ну, чего вы замолкли? — хохоча, спрашивает девушка. А в глазах её безумие, боль и... желание растоптать моих маму и папу.

Она — моя точная копия. Только эффектнее, красивее и... Кто она? Ясно лишь, что девушка — непростой человек в этой истории. Не чужой мне человек. Она... моя... сестра. Близняшка. Как Тася и Ася.

Получается, она дочь моих родителей. Но прежде они говорили, что я одна у них.

— Юля, это не то, что ты думаешь, — мама хватается меня за руку в попытке привлечь моё внимание и выслушать её. Не верить своим глазам. — Эта девушка — самозванка! Она... наверное, сделала много пластических операций, чтобы стать похожей на тебя! Её цель — скомпрометировать нашу семью. Юленька! Девочка моя! Не верь ей!

— Юленька, — девушка смакует моё имя с некоторой болью в голосе и подходит ко мне. Одна её рука ложится мне на плечо, а вторая сбрасывает руку матери с меня. — Пойдём отсюда, сестрёнка. Тебе здесь делать точно нечего. Им плевать на своих детей... Они даже не знают о них. И... в общем, они идеальные родители, от которых нам лучше бежать...

— Я просил тебя сидеть в машине, — недовольно вмешивается Адам, получив от девушки воздушный поцелуй в ответ.

Кидаю взгляд на мужа и с досадой отмечаю, как нежно он смотрит на неё. Так он смотрит на меня. И как грубо и ненавистно смотрел перед этим на моих родителей.

Он любит эту девушку... Он любит мою сестру?

— Я никогда тебя не слушала, любимый, — девушка ослепляет его улыбкой. — Ты ещё разве этого не понял?

Любимый... бьётся у меня в голове ещё несколько секунд.

Какое право она имеет называть моего мужа, отца моего ребёнка, любимым?!

Если только она... не девушка с картины. Ульяна... Уля...

Волосы похожи. А больше мне неизвестно о ней ничего.

— Давно понял, — ухмыляется Адам. — Ты ещё та заноза в моей жизни.

— Я забываема, — добавляет и Мюллер начинает смеяться, соглашаясь с ней.

— Я заберу девочек, а ты свою жену, — командует Ульяна моим мужем, и он повинуется ей. Не мне, а ей... Пусть и матери своих детей, но... я его жена.

Я ревную. Сильно.

— Ася, Тася, идите с ней, — говорит Адам, а я злюсь. Не пущу малышей с ней. Они мои! Мои дети! А она... пусть идёт туда, гд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.